

армию имеющимися в распоряжении фронта резервами и передать ей на вооружение со складов Ижевского завода 3 тысячи винтовок. Главком уведомлял также о своем решении подкрепить войска, оборонявшие Пермь, одной бригадой 7-й дивизии из Ярославского военного округа.

Однако в оказании срочной помощи Перми не была проявлена оперативность. Распоряжения Главного командования на этот счет или отменялись другими директивами, или выполнялись с большим запозданием. Отправка резервов для Третьей армии систематически срывалась. Протесты командующего Восточным фронтом С. С. Каменева были оставлены без внимания. Бригада 7-й дивизии прибыла в распоряжение Третьей армии уже после захвата белыми Перми. Советское командование справедливо рассматривало Южный фронт как главный. Вместе с тем многие недооценивали угрозу со стороны Колчака. Восточный фронт не только не обеспечивался необходимым количеством резервов, но отсюда снимались войска для переброски на юг. С левого крыла фронта как раз накануне генерального наступления армий Колчака на Пермь было снято около 15 тысяч бойцов, сотни пулеметов, десятки орудий. Общее количество сил, взятых с Восточного фронта, составило до 25 тысяч штыков и сабель¹.

Партийные организации Урала занимались проблемой укрепления войск Третьей армии и подготовки обороны Перми. На заседании обкома РКП(б) 8 декабря было решено немедленно вооружить и перевести на казарменное положение всех коммунистов, оказать решительное противодействие антисоветской агитации, ввиду возможной эвакуации города создать Военно-революционный комитет². Областной комитет партии командировал на фронт группу своих работников во главе с Н. Г. Толмачевым для всестороннего обследования создавшегося там положения. 17 декабря отчет Н. Г. Толмачева был заслушан расширенным заседанием областного комитета партии совместно с присланными на Урал петроградскими партийными работниками и представителями Третьей армии. Обследование выявило серьезные трудности, которые переживал фронт из-за отсутствия резервов, надежного командного состава, из-за плохой политической работы с мобилизованными, из-

¹ Г. Х. Эйхе. Опрокинутый тыл, стр. 200.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 233, л. 55.

за недостатка продовольствия, теплой одежды, специального снаряжения и т. д. Обсудив отчет Н. Г. Толмачева, обком признал необходимым усилить партийный контроль за деятельностью военных органов, перенести центр тяжести политической работы в формируемые части, ускорить выдвижение проверенных коммунистов на командные должности в армии. Было решено в ближайшем будущем созвать съезд армейских партийных организаций для обсуждения первоочередных задач партии в строительстве Красной Армии. Кроме того, Уральский обком РКП(б) наметил еще ряд специальных мер для оздоровления обстановки на Пермском участке фронта и восстановления боеспособности Третьей армии.

Со своей стороны командование Третьей армии также предпринимало попытки предотвратить поражение. 8 декабря был издан приказ о поддержке действовавших на Пермском направлении левофланговых частей армии. Приказ предписывал:

1) Командиру Камской бригады Грушецкому срочно перебросить бригаду из района села Частые в Пермь для дальнейшего следования на станцию Чусовская в распоряжение начдива 29-й.

2) Начальнику 5-й Уральской дивизии временно приостановить наступательные действия, привести части в должный боевой порядок, имея в виду перегруппировку дивизии для наступательных операций в направлении на Красноуфимск.

3) Начальнику 29-й стрелковой дивизии ввиду перегруппировки частей на фронте включить в состав своей дивизии, помимо Камской бригады, также Особую бригаду Зомберга.

4) Для обеспечения перегруппировки 29-й стрелковой дивизии и упрочения положения Лысьвенского направления начдиву 30-й начать наступление из района села Сая в общем направлении на станцию Кормовище, имея конечной целью занятие указанной станции¹. Большая роль отводилась оборонительным сооружениям на подступах к Перми. 20 ноября начальник 2-го Полевого строительства Восточного фронта доложил командующему Третьей армии о том, что на Оханском, Кунгурском и Лысьвенском направлениях велись работы по рытью окопов, устройству

¹ ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 482, л. 54.

искусственных заграждений, сооружению железобетонных пулеметных капониров и наблюдательных пунктов. На этих работах было занято до 3200 рабочих и 290 конных подвод.

Однако армейское командование, руководящие партийные, советские и военные органы Урала в создавшейся сложной ситуации допустили и крупные просчеты в укреплении обороны Перми. Они не сумели вовремя мобилизовать нужные силы, активизировать политическую работу в войсках, обеспечить их всем необходимым, до конца перестроить на военный лад весь аппарат управления, парализовать подрывную деятельность вражеской агентуры на фронте и в прифронтовой полосе.

Боеспособность Третьей армии сильно снизилась в результате больших потерь, которые понесло ее партийное ядро. Так, Крестьянский коммунистический полк «Красных орлов» в конце ноября имел около 700 членов партии, а после боев под Пермью насчитывал не более 300. В 4-м Уральском полку из 500 членов партии осталось только 130¹. Такое положение было и в других полках. Это неизбежно привело к ослаблению партийного влияния среди войск, ухудшило их политико-моральное состояние. Коммунисты старались использовать все возможности, чтобы в условиях непрерывных тяжелых боев и вынужденного отступления сохранить идейный контакт с красноармейской массой. Значительную жизнеспособность проявили партийные организации 30-й стрелковой и 5-й Уральской дивизий. Во время декабрьских боев коммунисты — командиры, комиссары, политработники, рядовые бойцы — всегда были впереди, показывая пример самоотверженной, беззаветной верности революционному долгу. Многие погибли смертью храбрых. Случалось, целые партийные коллективы выбывали из строя. Вместо них создавались новые из числа только что принятых в партию. В одном из донесений политотдела армии сообщалось, что в некоторых частях 30-й дивизии организация партийных ячеек приняла массовый характер. Причем в партию записывали далеко не всех желающих, а только самых лучших². И не случайно именно эти соединения Третьей армии особенно упорно сражались с превосходящими силами колчаковцев и долго не выпускали из своих рук боевой инициативы.

¹ «Военно-исторический журнал», 1961, № 11.

² Вопросы истории Урала. Сборник статей. Вып. 5. Уральский государственный университет, 1964, стр. 89.

Но все же недостатки в организации политической работы на фронте были очень серьезными, и это явилось одной из причин недисциплинированности, слабой боеиспособности, дезертирства отдельных частей. Неустойчивым элементом удалось в конце ноября разложить 1-й Горный полк 29-й дивизии, действовавшей на Верхотурском направлении. В критический момент боя за станцию Выя полк отказался выступать на позиции, за что по приказу командования был расформирован¹. Слабо была поставлена партийная работа во 2-м Кунгурском и Среднеуральском полках 30-й дивизии. В начале декабря во время боя у деревни Выдренка на Кунгурском направлении несколько рот Среднеуральского полка отказались идти в наступление². В период наиболее ожесточенных боев за Пермь имели место случаи измены целых полков, распропагандированных вражеской агентурой.

Весьма напряженная политическая обстановка создавалась и в ближайшем тылу наших войск, особенно в прифронтовых уездах Вятской губернии, где контрреволюция развернула широкую подрывную работу, используя недовольство крестьян чрезвычайным налогом и обязательными мобилизациями в Красную Армию.

Субъективные и объективные причины привели к тому, что мероприятия по укреплению обороны Перми не дали должного результата.

В двадцатых числах декабря бои начались на ближних подступах к городу. Части 29-й дивизии, неся огромные потери, продолжали отступать. Отдельные полки пытались организовать оборону в самом городе, чтобы дать возможность произвести хотя бы частичную эвакуацию. В приказе по войскам 29-й дивизии от 31 декабря отмечалось, что в крайне сложной обстановке, в ночь на 24 декабря, командиры бригад Акулов и Клоков, военкомы Яхонин, Муравьев и Беляев проявили хладнокровие и распорядительность в руководстве войсками, что дало возможность удержать станцию Пермь II до 19 часов 25 декабря и вывести 15 эшелонов с ценным воинским грузом. Командование отмечало также особую самоотверженность частей Камышловского и Рабоче-Крестьянского полков. Эти части, возглавляемые Некрасовым, Брюхановым и Галенкиным, до последней

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 734, лл. 56—58.

² Там же, д. 721, лл. 45, 46.

возможности защищали город и подступы к железнодорожной станции, где шла эвакуация. В боях за Пермь отличился и Крестьянский коммунистический полк¹. Но преимущество противника было слишком очевидным. В ночь на 25 декабря колчаковцы заняли город и захватили большие трофеи. Советские войска отступили за Каму и закрепились на новых рубежах в нескольких десятках километров западнее Перми. Эта победа досталась белым дорогой ценой. Только одна 7-я Уральская дивизия из группы генерала Гайды потеряла за несколько дней боев убитыми, ранеными и обмороженными свыше 3 тысяч солдат и офицеров. Не меньший урон понесли и другие белогвардейские части, наступавшие на Пермском направлении².

По сведениям разведывательного отдела штаба Третьей армии, силы противника на 1 января 1919 года исчислялись в 25 280 штыков, 2390 сабель, 244 пулемета и 27 орудий³. Тут не учтены белогвардейские части, которые действовали на фронте 5-й Уральской дивизии, т. к. она входила в состав Второй армии. В этих частях на 27 ноября имелось свыше 10 тысяч штыков и сабель, но в боях на Осинском направлении они были настолько измотаны и обескровлены, что их численность уже к середине декабря сократилась на 2200 штыков⁴. Сразу же после захвата Перми белогвардейское командование отвело в тыл на отдых и переформирование наиболее потрепанные части. Тем не менее значительное ослабление ударной группировки генерала Гайды не вызывает никакого сомнения. Дальнейшее наступление белых в сущности захлебнулось. Захватив Пермь, Колчак так и не смог окончательно сломить сопротивление героических войск Третьей армии. Наступательный порыв белых с выходом к Каме иссяк. Но несмотря на это, падение Перми было крупной военной неудачей. Угроза соединения армий Колчака с контрреволюцией на севере стала весьма реальной. Поражение под Пермью могло неблагоприятно отразиться на других участках Восточного фронта. Нужно было основательно разобраться в недостатках и самым решительным образом выправить положение.

¹ См. ЦГАСА, ф. 176, оп. 2, д. 30, лл. 88, 89; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 734, л. 64—65.

² История гражданской войны в СССР, т. 3, стр. 355.

³ ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 385, л. 120.

⁴ Там же, л. 97, 106.

В последних числах декабря Уральский обком РКП(б) направил в Центральный Комитет партии подробный доклад о причинах поражения войск Третьей армии под Пермью¹. Одной из главных причин, указывалось в докладе, явились крупные пороки в системе комплектования советских войск на Урале. Отдел формирований Уральского окружного военного комиссариата, засоренный антисоветски настроенным офицерством, проводил поголовные мобилизации, не считаясь с необходимостью строжайшего соблюдения классового принципа². Засоренные контрреволюционными элементами, не успевшие пройти соответствующую политическую подготовку вновь формируемые части сразу бросали на фронт. Такие части проявляли слабую устойчивость в бою и даже переходили на сторону противника. Вся тяжесть борьбы с контрреволюцией лежала на плечах добровольческого ядра Третьей армии. За 5 месяцев войны армия потеряла 15,5 тысячи человек, преимущественно добровольцев, а равной по количеству и качеству замены не получила. Резервы, переброшенные за это время из центра и составлявшие 5 тысяч человек, разумеется, не смогли возместить всех потерь.

Уральский обком РКП(б) информировал Центральный Комитет партии о негодности армейского командования. М. М. Лашевич, исполнявший после отъезда Р. И. Берзина обязанности командующего, фактически не руководил военными операциями, предоставив командирам дивизий действовать по собственному усмотрению. Окопавшиеся в штабе армии явные белогвардейские агенты отеснили на задний план честных партийных работников и развалили всю оперативную работу.

Существенной причиной поражения Третьей армии областной комитет партии считал неудовлетворительную рабо-

¹ Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 230—232.

² С июля по декабрь 1918 г., по данным Уральского окружного военкомата, было призвано и мобилизовано в РККА 80 999 чел., из которых менее пятисот человек поступило в тыловое ополчение, куда направлялись представители эксплуататорских классов. Следовательно, часть из них попадала в боевые формирования. Данные эти весьма неполные, т. к. по заключению Высшей военной инспекции за этот срок было мобилизовано только в Вятской губернии 77 747 чел.—ЦГАСА, ф. 11, оп. 8, д. 234, л. 793/18. По этому можно судить, какое большое количество резервов не доходило до воинских частей, дезертировало, скрывалось в лесах или даже переходило на сторону противника.

ту органов снабжения. Хотя на складах интендантского ведомства имелись значительные запасы разного военного имущества, фронт испытывал острую нужду в вооружении, обмундировании, а также в продовольствии. Неудовлетворительное снабжение армии усугублялось неразберихой на транспорте. Отдел военных сообщений, возглавляемый человеком, чуждым Советской власти, не обеспечивал своевременный подвоз фронту необходимых грузов, искусственно создавал пробки на узловых станциях железных дорог, оставлял в руках неприятеля целые эшелоны с военным имуществом.

Уралобком признавал в письме, что его участие в политическом руководстве армией не было достаточно активным и действенным. Партийная организация не сумела установить строгий контроль за деятельностью военных учреждений, слабо боролась с саботажем, вредительством и изменой со стороны военных специалистов и не решилась взять на себя всю ответственность за оборону Перми, боясь нарушить ведомственную субординацию. Обком РКП(б) видел свою вину в том, что вовремя не информировал Центральный Комитет о недостатках в организации Третьей армии, и в заключение доклада просил назначить партийно-следственную комиссию с широкими полномочиями.

Центральный Комитет партии уделил большое внимание изучению обстоятельств, вызвавших сдачу Перми. 5 января 1919 года комиссия ЦК и Совета обороны в составе Ф. Э. Дзержинского и И. В. Сталина прибыла в Вятку, где обосновались руководящие партийные и советские организации Урала. Комиссия тщательно рассмотрела все обстоятельства сдачи Перми. В течение января комиссия с помощью коммунистов Урала и Вятской губернии, а также армейских партийных организаций проделала огромную работу для укрепления фронта в районе расположения Третьей и Второй армий. Результаты этой работы регулярно сообщались В. И. Ленину, который лично санкционировал наиболее срочные меры.

Комиссия начала свою деятельность с укрепления советских войск коммунистами. По ее указанию местные партийные органы провели мобилизацию членов партии в армию. Так, коммунисты Оханского уезда направили на фронт 2700 человек, или 90 процентов организации. Кизеловский райком Пермской губернии, эвакуированный в Вятку, мо-

билизовал 120 коммунистов, прибывших с захваченной колчаковцами территории. Вережагинская организация РКП(б) решила направить в Красную Армию 50 процентов своего состава. Сотни коммунистов выделили для отправки на фронт партийные организации Глазова, Осы, Агрыза и других районов.

В связи с тем, что большая часть территории Урала оказалась захваченной белогвардейцами, по предложению комиссии были распущены партийные и советские органы Уральской области, а также районов, занятых врагом.

Военный комиссариат Уральского военного округа был сохранен и временно использован для мобилизационной работы в Поволжье. Будучи эвакуирован в Пензу, он организовал подготовку пополнений для Восточного фронта.

В январе — феврале 1919 года было ликвидировано 343 губернские, уездные и волостные партийные и советские организации. Это дало возможность направить в армию новую группу опытных работников.

Проявляя большую заботу об улучшении качественного состава армии, комиссия ЦК партии и Совета обороны организовала тщательную чистку прибывшей из Ярославского военного округа 3-й бригады 7-й дивизии, которая была засорена кулацкими элементами. Усиленная коммунистами, она превратилась в стойкое соединение.

Неделю спустя после прибытия в Вятку члены комиссии направили В. И. Ленину краткий предварительный отчет о проделанной работе и принятых мерах по укреплению левого фланга Восточного фронта. При этом они просили Совет обороны выделить восемь тысяч штыков и сабель. В конце месяца Третья армия получила и другие части. Был создан лыжный отряд в Вятке. В нем насчитывалось 1000 бойцов, в том числе 200 коммунистов. Ядро отряда составили рабочие Верхнеуфалейского завода и шахтеры из Кизела. Отряд получил необходимое вооружение, зимнее обмундирование и снаряжение. На него была возложена задача прочно обеспечить стык Третьей армии Восточного фронта с Шестой армией Северного фронта. Вскоре Особый северный экспедиционный отряд выступил на фронт.

19 января в Вятке был создан военно-революционный комитет, в руках которого сосредоточивалась вся полнота власти в губернии и в прифронтовой полосе.

Закончив работу, комиссия ЦК партии и Совета обороны выехала в Москву и представила подробный отчет В. И. Ленину. Меры, принятые Центральным Комитетом партии и Советом обороны, помогли упрочить положение советских войск на левом фланге Восточного фронта.

Войска фронта получили резервы и значительное количество вооружения. К 19 января 1919 года в составе Третьей армии числилось 14 000 штыков, 3000 сабель, 323 пулемета и 78 орудий, к февралю она насчитывала уже 25 097 штыков, 4130 сабель, 549 пулеметов, 78 орудий. Особенно большое значение для стабилизации фронта в районе Перми имело формирование при участии местных партийных, советских и военных организаций 5-й бригады 29-й стрелковой дивизии в составе 21-го Мусульманского, 22-го Кизеловского и 23-го Верхнекамского полков (впоследствии Особая бригада Третьей армии). История создания этого соединения такова. Еще в ноябре 1918 года, после захвата белыми Верхотурья, в районе Тавды и Кыштыма стали организовываться по инициативе коммунистов добровольческие отряды рабочих и беднейших крестьян для обороны Северного Урала. Во главе обороны встал член облизполкома Б. В. Дидковский, назначенный командованием Третьей армии начальником советских войск участка Кизел—Усолье—Соликамск—Тавда. Перед ними была поставлена весьма ответственная задача прикрыть незащищенный левый фланг армии, перерезать тракт Верхотурье—Соликамск и не пустить врага к Кизелу. В течение ноября—декабря добровольцы вели упорные оборонительные бои с численно превосходящими частями противника.

Тем временем на Северном Урале по указанию обкома партии развертывалась всеобщая мобилизация революционных сил. Новые добровольческие отряды формировались в Кизеле, Губахе, Соликамске, Чердыни. Когда пала Пермь и колчаковская армия своим правым флангом начала продвижение в глубь Верхнего Прикамья, советские войска, оборонявшие Северный Урал, оказались отрезанными от основных сил. С тяжелыми боями они вынуждены были пробиваться через вражеское окружение. Только за Камой во второй половине января 1919 года удалось установить связь с командованием Третьей армии. Вот тогда-то и решено было из отрядов и частей, вышедших из окружения, образовать еще одну бригаду 29-й стрелковой дивизии. На 29 января 1918 года в трех полках бригады имелось коман-

диров 165, бойцов 2650. В их распоряжении было лошадей — 796, пулеметов — 17¹.

Части Особой бригады отличались высокой боеспособностью. Она определялась, прежде всего, их однородным социальным составом. В основном здесь были добровольцы — рабочие заводов, шахт, рудников, приисков Северного Урала и Верхнего Прикамья, коммунисты из числа местных партийных, советских, военных и хозяйственных работников, крестьянская беднота Коми-Пермяцкого края. Наиболее многочисленная рабочая прослойка была в Кизеловском полку. И неудивительно, что в боях он вел себя особенно стойко. Многие добровольцы прошли военную службу на фронтах империалистической войны. Это облегчало укомплектование формируемых частей опытными и надежными в политическом отношении командными кадрами. Командирами полков, батальонов, рот и команд стали бывшие офицеры и унтер-офицеры старой армии А. Н. Королев, А. И. Федоровский, С. Г. Пичугов, А. П. Дудырев, П. С. Соловьев, К. И. Захаров, П. К. Маслоедов, Н. А. Неволлин, П. Б. Богданов, С. С. Покровский и другие. Решающую роль в создании, боевом и политическом воспитании советских войск Северного Урала играли коммунисты. Партийное влияние было особенно сильным в Кизеловском и Верхнекамском полках. В феврале 1919 года в них существовали полнокровные партийные организации численностью до 600 человек. Коммунистов в бригаде по отношению ко всему личному составу было около половины². Военкомы имели возможность заниматься главным образом воспитанием бойцов, и это обеспечило значительное укрепление боевых и морально-политических качеств личного состава бригады. Ее части быстро восстанавливали боеспособность даже после очень крупных потерь и обладали высоким наступательным порывом. Сформирование этого нового боеспособного соединения Красной Армии было своевременным и оказало положительное влияние на ход борьбы против белогвардейских войск севернее и северо-западнее Перми. Объединение под общим командованием разрозненных частей и отрядов придало их действиям более организованный и планомерный характер, увеличило силу сопро-

¹ ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 331, л. 18.

² С. П. Кесарев, А. Королев, С. Г. Пичугов. Особая бригада, 1962, стр. 15—16.

тивления врагу. Колчаковские войска, наступавшие по Верхотурско-Соликамскому тракту в обход левого фланга Третьей армии, встретили серьезный отпор и вынуждены были втянуться в изнурительные бои. Расчет белогвардейского командования на быстрый захват Коми-Пермяцкого края и беспрепятственное продвижение навстречу северным контрреволюционным силам не оправдался.

Выведение Особой бригады на оборонительные рубежи северо-западнее Перми, эффективная помощь, оказанная Третьей армии центром, быстрое приведение в порядок 29-й и 30-й стрелковых дивизий — все это способствовало преодолению войсками армии тяжелого кризиса под Пермью. Перед колчаковскими войсками западнее Перми вновь стоял фронт советских войск, которые, несмотря на большие потери и усталость, готовы были не только встретить противника, но и вскоре перейти в контрнаступление¹.

Значительное подкрепление получила Вторая армия. Когда началось наступление Колчака на Пермском направлении, ее части, ослабленные в непрерывных боях, не сумели оказать эффективной поддержки соседней Третьей армии и также понесли крупные потери. Падение Перми создавало непосредственную угрозу Вятке и вновь открывало перед противником возможность овладения Ижевским и Воткинским заводами. Нужны были срочные меры, чтобы восстановить боеспособность Второй армии, усилить ее боевую активность. В течение января в распоряжение командующего этой армией были переданы 5-я Уральская дивизия вместе с Отрядом особого назначения, а также переброшенные из внутренних военных округов бригада 7-й стрелковой дивизии в составе 56-го и 57-го Костромских, 58-го Владимирского полков и два полка Петроградской дивизии. После тяжелых боев в ноябре-декабре 1918 года во Второй армии оставалось бойцов — 15 818, пулеметов — 338, орудий — 58, сабель — 678. К 1 февраля 1919 года в результате помощи со стороны Советского правительства и местных организаций силы армии исчислялись уже в 31 059 бойцов, 528 пулеметов, 78 орудий, 742 сабли.

Партийные мобилизации позволили пополнить войска коммунистами, усилилась партийно-политическая работа.

¹ С. П. Кесарев, А. Н. Королев, С. Г. Пичугов. Особая бригада, стр. 8.

В 29-й стрелковой дивизии, по неполным данным, к концу февраля 1919 года насчитывалось 1558 членов партии и 171 сочувствующий. Были восстановлены партийные ячейки в большинстве подразделений. Наиболее крупные партийные организации по 200—300 коммунистов работали в 253-м полку (Крестьянском коммунистическом полку «Красных орлов»), в 254-м (Камышловском) и в 256-м (Лесновско-Выборгском) полках.

В 30-й стрелковой дивизии общая численность партийной организации к этому времени составляла 3940 членов партии и более 750 сочувствующих (без батальона связи). Аналогичное положение было и в других частях Третьей армии. Только в феврале в ее войсках возникло 115 новых ячеек РКП(б). Ко второй половине февраля 1919 года в Третьей армии было более девяти с половиной тысяч членов партии, на полторы тысячи больше, чем к 1 декабря 1918 года. Чтобы поднять уровень политической работы среди красноармейцев, комитет РКП(б) 29-й стрелковой дивизии обратился со специальным письмом ко всем членам партии, призвав коммунистов активизировать деятельность партийных организаций, настойчиво бороться за укрепление воинской дисциплины и повышение боеспособности частей. В ответ на это обращение партийные организации дивизии развернули большую организаторскую и разъяснительную работу в подразделениях.

В начале 1919 года заметно активизировалась деятельность армейских политработников, повысилось ее качество. Политическим воспитанием красноармейцев занимались такие опытные партийные работники, как Н. Г. Толмачев, С. И. Гусев, П. К. Штернберг, А. К. Леппа, А. Л. Борчанинов, С. И. Малыгин, В. М. Мулин, М. Н. Миков, А. А. Юдин, И. И. Ковзель, С. П. Кесарев. На совещании заведующих политорганами Красной Армии, состоявшемся в Москве в январе 1919 года, Восточный фронт представляла профессиональная революционерка, член партии с 1889 года, заведующая политотделом фронта Г. И. Окулова-Теодорович. В своих выступлениях она рассказала о работе политорганов фронта. На совещании были уточнены их функции и структура. Во всех политорганах создавались отделения: агитационно-организационное, культурно-просветительное, информационное, экспедиционное. В составе политотделов дивизии предусматривалась организация библиотек.

Политотдел Третьей армии направил в войска более ста руководящих партийных работников, взятых из штабных партийных организаций и армейских учреждений для укрепления политорганов соединений и частей. Были заново укомплектованы штаты постоянных агитаторов. Чтобы ликвидировать недостаток в агитационно-пропагандистских кадрах, политотдел армии организовал специальные месячные курсы агитаторов. В феврале на них прошло подготовку свыше шестидесяти человек. Разъяснительная работа среди красноармейцев проходила более целеустремленно и доходчиво. В ряде случаев агитационно-массовые мероприятия приобретали характер регулярных политических занятий. В 53-м полку 30-й стрелковой дивизии и в частях резервной 10-й дивизии Уральского военного округа для этого ежедневно отводился час, в 61-м полку Особой бригады — два часа.

Изю дня в день росла потребность в агитационной литературе, газетах, листовках. В январе-феврале 1919 года политотдел армии отправил в действующие части 36 специально подобранных библиотек по 100 названий книг в каждой. Особое внимание было обращено на улучшение партийно-политической работы в резервных и запасных частях, а также среди населения прифронтовой полосы.

Взросший уровень организационной и политико-массовой деятельности коммунистов Третьей армии отмечался на полковых и дивизионных партийных конференциях, которые состоялись в конце января 1919 года. С 28 по 30 января в городе Глазове проходил первый армейский съезд коммунистов. Это было важное политическое событие в жизни воинов-уральцев. На съезд прибыли 129 делегатов: работники политорганов, военные комиссары, командиры-коммунисты, рядовые красноармейцы. 45 делегатов были до службы в Красной Армии рабочими. В повестке дня съезда стояли вопросы о текущем моменте, о состоянии партийно-политической работы в частях, о путях строительства Красной Армии, о предстоящем VIII съезде РКП(б). На съезде были подведены итоги партийно-политической работы в частях. Выступавшие по этому вопросу главный политический комиссар армии Н. Г. Толмачев, заведующие политорганами А. К. Леппа, В. М. Мулин, М. А. Вольфович и другие с удовлетворением отмечали, что после восстановления разрушенных звеньев партийно-политического аппарата улучшилось содержание воспитательной работы

среди личного состава, усилилось ее влияние на выполнение боевых задач. Большое внимание на съезде уделялось вопросам строительства Красной Армии и совершенствованию структуры ее партийно-политического аппарата. В принятых резолюциях подчеркивалась руководящая роль партии во всей жизни и боевой деятельности войск. Съезд одобрил сложившуюся структуру партийно-политического аппарата, подчеркнул, что руководство его деятельностью должен возглавлять член Военного совета, назначаемый Центральным Комитетом партии.

Однако, наряду с этими правильными положениями, в решениях съезда имелись ошибочные формулировки и неверные оценки. В резолюции по организационному вопросу содержалась надуманная мысль о том, что руководить работой политорганов должны «особые коллективы» — в армейском политотделе, например, коллегия в составе члена Военного совета, заведующего политотделом и выборного от дивизионного бюро РКП(б). Во время прений некоторые руководящие партийные работники Урала, ссылаясь на факты саботажа, измены и предательства со стороны военспецов, в особенности в период неудачной обороны Перми, высказались против дальнейшего привлечения бывших офицеров на командные должности. В резолюции съезда признавалось целесообразным использовать старых военных специалистов преимущественно на штабной, инструкторской или организационной работе¹.

Укрепление партийно-политического аппарата имело место и в других объединениях Восточного фронта, сражавшихся на Урале. В частях непрерывно росло число коммунистов и партийных ячеек. Если в январе 1919 года во Второй армии насчитывалось 45 ячеек РКП(б), то к концу февраля их было уже 75, в Пятой армии — соответственно 40 и 94². Партийные организации создавались нередко прямо на боевых позициях, вели работу при 20—30-градусных морозах, в обстановке непрекращающихся боев.

Благодаря действенной помощи со стороны В. И. Ленина, Центрального Комитета партии, Советского правительства, Главного командования Красной Армии, в результате энергичных мер военного руководства и активной

¹ «Красный набат», 9 февраля 1919 г.

² Партийно-политическая работа в Красной Армии (апрель 1918 — февраль 1919). Документы, стр. 227.

поддержки всех мероприятий по укреплению фронта и тыла местными организациями последствия поражения под Пермью были ликвидированы очень быстро. Усиленная коммунистами Третья армия вновь обрела высокие боевые качества и уже в двадцатых числах января возобновила активные боевые действия на Пермском направлении, включившись в общее наступление советских войск Восточного фронта.

Тактический замысел советского командования, определившийся после того, как вся левофланговая группа наших войск была приведена в относительный порядок, заключался в следующем: основными силами Второй армии повести наступление на Кунгур, имея конечной целью освобождение Перми; образовать в районе Осы резерв в составе трех полков 1-й бригады 7-й стрелковой дивизии, двух полков 4-й Петроградской дивизии и двух полков из других соединений Второй армии, чтобы в нужный момент поддержать общее наступление на Пермь, правофланговыми частями Второй армии и четырьмя полками Пятой армии начать продвижение в сторону Красноуфимска; войсками Третьей армии нанести вспомогательный удар вдоль линии Пермской железной дороги и создать угрозу Перми с севера¹.

Как выполнялся этот замысел? В первой половине января перешла в наступление Вторая армия. Ее части переправились на левый берег Камы, вышли на линию железной дороги Сарапул — Красноуфимск и нанесли крупное поражение 7-й дивизии белых в бою под станцией Щучье Озеро. Затем развернулись сражения непосредственно на Кунгурском направлении. Во второй половине января советские войска освободили Ашапский, Уинский заводы, а также ряд других населенных пунктов и оказались, таким образом, на ближайших подступах к Кунгuru.

Соединения Третьей армии тем временем вели упорные оборонительные бои, то и дело нанося противнику ответные контрудары. Особенно напряженная обстановка сложилась на фронте 30-й стрелковой дивизии, оборонявшей Оханское направление. Здесь белогвардейцы превосходящими силами непрерывно атаковали наши части со стороны Юго-Камского завода, стремясь во что бы то ни стало захватить Оханск. Против 1-го Красноуфимского полка действовало, например, в начале января целых три пехот-

ных полка белых и несколько сотен кавалерии. Но красноуфимцы держались стойко. В течение нескольких дней они при поддержке других частей 1-й бригады успешно отбивали яростные атаки врага, а затем нанесли ему сильный контрудар и отбросили на исходные позиции. В этих боях белогвардейцы потеряли половину своего состава убитыми и ранеными.

После временного затишья противник возобновил наступление. 11 января ему удалось овладеть Юго-Камским и Нытвенским заводами. Однако его попытка развить наступление со стороны Нытвы не увенчалась успехом. Части 3-й бригады отразили атаки, наголову разгромив ударную силу белых — 1-й Сибирский штурмовой батальон четыреххотного состава, сформированный из добровольцев. Провалилось и повторное наступление противника на Оханск, которое началось 12 января после продолжительной артиллерийской подготовки. Оборонявшие город части 2-й бригады выдержали сильнейший натиск, а потом сами перешли в решительное контрнаступление. Неприятель в беспорядке бежал к Юго-Камскому заводу, преследуемый красной конницей. На поле боя осталось много убитых белогвардейцев, в их числе полковник и 9 офицеров. Наши войска захватили орудие, 7 пулеметов, 7 возов со снарядами и большое количество других трофеев. В дальнейшем наступление 2-й бригады из района Оханска успешно продолжалось.

Не менее важные события происходили на левом фланге 30-й дивизии, где противник проявлял большую активность, стремясь захватить Очерский завод и выйти на линию железной дороги Пермь — Глазов в районе станции Бородулино. 17 января он начал продвигаться к заводу и после ожесточенного боя занял село Дворецкое. Оборонявшие село Богоявленский и 2-й Красноуфимский полки отступили с крупными потерями. Тогда по приказу начдива к ним на помощь был переброшен 1-й Красноуфимский полк. Снова завязался упорный и продолжительный бой, который перешел в штыковую схватку. К исходу дня наши войска освободили Дворецкое. В этом бою были разбиты два полка, штурмовой батальон и несколько сотен кавалерии противника. Закрепляя достигнутый успех, наши части перешли в наступление и 22 января выбили белых из Нытвенского завода. Высокой боевой активностью отличались также 17-й Уральский и 2-й Горный полки из состава 4-й

¹ ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 195, л. 38.

бригады. Вместе с правофланговыми частями 29-й стрелковой дивизии они стойко защищали свои позиции в районе села Рождественское, угрожая Перми с северо-запада.

Что касается 29-й дивизии, которая прикрывала своими главными силами Глазовское направление, то и она в основном успешно справлялась с поставленными перед нею задачами. Правда, первоначально обстановка на фронте дивизии оставалась весьма сложной. После захвата Перми противник предпринял наступление по железной дороге на Глазов и в первой половине января вынудил части 1-й бригады оставить станции Шебуничи, Чайковскую, Григорьевскую, Менделеево. В связи с этим начался отход на запад и 2-й бригады. Однако уже 16 января в ходе военных действий обозначился перелом. Противник не выдержал мощных контратак Стального путиловского кавалерийского полка и прославленного 253-го полка «Красных орлов» и повернул вспять. С этого момента боевая инициатива переходит в руки советских войск. В наступление включились 254-й Камышловский и 255-й Рабоче-Крестьянский полки из 2-й бригады, которые, взаимодействуя с соседними частями 30-й дивизии, нанесли серьезное поражение белогвардейцам в районе села Дворецкое. 21 января 258-й Волынский и Стальной путиловский кавалерийские полки атаковали противника у деревни Пестов и разбили его, захватив 2 орудия, 2 пулемета, 20 возов со снарядами, много винтовок и разного вооружения. Эскадрон Путиловского кавалерийского полка зарубил в этом бою 150 вражеских солдат. А 22 января была одержана новая победа: советские войска заняли станцию Менделеево.

24 января, когда достаточно ясно определилось общее наступление войск Третьей армии, Реввоенсовет Восточного фронта телеграфировал Главкому: «Второй день 29 и 30 дивизии успешно продвигаются вперед, гоня перед собой противника, который только накануне указывал в своих приказах, что перед ним разложившиеся части 3 армии»¹.

Наступление на левом фланге Восточного фронта слилось с усилиями других армий, действовавших в центре и на правом фланге и продолжавших развивать наступление, начатое еще в конце ноября 1918 года. На Уфимском

направлении части Пятой армии во второй половине декабря преодолели отчаянное сопротивление противника и освободили Белебей, а затем Стерлитамак, а в ночь с 30 на 31 декабря — Уфу. Еще через несколько дней колчаковцы оставили Бирск. Чтобы задержать продвижение Пятой армии, белогвардейское командование перебросило на Уфимское направление крупные резервы, но и они не выправили положения. В войсках противника, особенно среди чехословаков, не говоря уже о насильно мобилизованных рабочих и крестьянах, началось революционное брожение. За несколько дней боев на Уфимском участке фронта сдалось в плен около 8 тысяч вражеских солдат.

В январе 1919 года развернулись решающие бои за Оренбург. Их вела Первая армия, которой командовал М. Н. Тухачевский, во взаимодействии с туркестанскими отрядами Красной Армии, наступавшими со стороны Актюбинска. Освобождение Оренбурга имело важное стратегическое значение. Оно давало возможность советскому командованию нанести чувствительный удар по опорным пунктам контрреволюции на Южном Урале, рассеять фронт противника, изолировав белоказачьи войска атамана Дутова от основных сил колчаковской армии, и оказать поддержку трудящимся Советского Туркестана, героически оборонявшимся от банд белогвардейцев и английских интервентов. Поэтому В. И. Ленин особенно внимательно следил за ходом боевых операций на правом крыле Восточного фронта, требуя во что бы то ни стало форсировать наступление. Совершив стремительный бросок вперед, части Первой армии 22 января 1919 года вступили в Оренбург. В конце февраля был освобожден Орск. На крайнем правом участке Восточного фронта успешно действовали войска Четвертой армии, освободившие 24 января 1919 года Уральск, а затем продвинувшиеся дальше в глубь Уральской области.

Следовательно, январско-февральские бои показали, что части Красной Армии на Урале в целом повысили свою боевую активность. Однако наступление на левом фланге не дало желаемых результатов; советским войскам не удалось вернуть захваченные врагом позиции. Причиной слабых успехов наступления явилось то, что соотношение классовых сил в восточных районах страны было пока еще не в пользу Советской власти. Поэтому армии Колчака продолжали сохранять огромный численный перевес. Они

¹ Л. М. Спирин. Разгром армии Колчака. М., 1957, стр. 72.

хорошо снабжались интервентами и обладали большой ударной силой, что и подтвердил дальнейший ход гражданской войны.

2. Под властью Колчака

Провал стратегических замыслов Колчака на Восточном фронте не отрезвил организаторов интервенции. Весной 1919 года они подготовили объединенный поход против Советской власти всех белогвардейских и иностранных армий. В этом походе должны были принять активное участие прежде всего силы внутренней контрреволюции, возглавляемые Колчаком, Деникиным, Юденичем, Миллером. Их выступления предполагалось поддержать действиями войск Антанты, а также зависимых от нее малых государств Европы. Но главная роль в этом нашествии возлагалась на Колчака. Восточный фронт приобрел первостепенное значение для судеб социалистической революции.

Империалисты США, Англии, Франции и Японии полностью взяли «верховного правителя» на свое обеспечение: в 1919 году он получил из-за границы 700 тысяч винтовок, 3600 пулеметов, 530 орудий, огромное количество боеприпасов, обмундирования и продовольствия. Численность оккупационной армии интервентов в восточных районах страны была доведена до 150 тысяч человек. Оккупанты продолжали бдительно нести карательную службу в тылу Колчака, позволив ему перебросить на фронт максимум своих сил.

С помощью империалистов Антанты Колчак сформировал и вооружил до зубов почти 400-тысячную армию. Непосредственно на фронте было сосредоточено до 130—145 тысяч солдат и офицеров с 1300 пулеметами и 211 орудиями. Этим силам противостояли советские армии Восточного фронта общей численностью немногим более 100 тысяч штыков и сабель. Они имели на вооружении 1882 пулемета и 774 орудия¹. Конечная цель Антанты заключалась в том, чтобы в результате наступления Колчака объединить силы восточной, северной и южной контрреволюций, а затем нанести удар по жизненно важным центрам Советской республики.

¹ 50 лет Вооруженных Сил СССР, стр. 71.

В начале марта 1919 года армии Колчака начали генеральное наступление на всем протяжении 600-километрового фронта. Тяжелое положение создалось на северном крыле Восточного фронта, прикрывавшем подступы к Вятке, Ижевску, Казани. Наступавшая здесь Сибирская армия белых под командованием генерала Гайды нанесла сильный удар в стык Второй и Третьей советских армий, с ходу захватив Оханск и Осу. Но дальнейшее ее продвижение было приостановлено упорным сопротивлением героических войск Третьей армии, укрепившихся в районе железной дороги Пермь — Вятка. На защиту Советской власти поднялись новые сотни и тысячи рабочих и беднейших крестьян Северного Урала. Вместе с красноармейцами они активно участвовали в обороне крупных населенных пунктов, лежавших на пути продвижения врага. Несмотря на большое превосходство в силах, колчаковцы долго не могли захватить Песковский завод, оборонявшийся Путиловским кавалерийским полком и местными рабочими. При поддержке населения мужественно сопротивлялись части Красной Армии в районе Кирсинского завода. Генерал Гайда писал впоследствии: «Левый фланг противника упорно защищает каждую деревню и отступает очень упорядоченно, оставляя слишком мало трофеев»¹.

К середине апреля положение на фронте Третьей армии относительно стабилизировалось. Белогвардейцам так и не удалось нанести окончательное поражение советским войскам и прорваться к Вятке. Сибирская армия Колчака вынуждена была вместо Вятки повести наступление основными силами на Казань.

На участке Второй армии, прикрывавшей дальние подступы к Казани, противник добился более существенных успехов. Этому во многом способствовали контрреволюционные кулацко-эсеровские восстания, которые вспыхнули в тылу советских войск. Переправившись через Каму, белогвардейцы с помощью мятежников овладели в первой половине апреля Воткинском, Сарапулом, Ижевском. Части Второй армии с тяжелыми боями отошли к реке Вятке. В мае войска Сибирской армии белых форсировали реку Вятку и открыли себе путь на Казань.

Направление главного удара Колчака обозначилось в центре Восточного фронта, где против Пятой советской ар-

¹ Л. М. Спирин. Разгром армий Колчака, стр. 96.

мии действовала Западная армия генерала Ханжина. Имея более чем четырехкратное численное превосходство, противник прорвал фронт и начал быстро продвигаться вперед. В течение первых десяти дней наступления он захватил Бирск, затем Уфу. В районе Уфы белогвардейское командование попыталось окружить и уничтожить обескровленные части Пятой армии. Однако героическое сопротивление войск 26-й и 27-й дивизий сорвало этот замысел. Бок о бок с красноармейцами сражались отряды рабочих. Только уфимский пролетариат послал на борьбу с Колчаком около 3 тысяч добровольцев. Наиболее стойко держались полки 26-й стрелковой дивизии. Несмотря на огромные потери, эта дивизия не только упорно оборонялась, но и наносила ответные контрудары. В сводках советского командования за неделю с 22 по 28 марта отмечалось, например, что в последних боях полкам 3-й бригады дивизии удалось занять несколько деревень, захватить 5 орудий, 5 пулеметов и около 500 пленных.

Продвижение вперед давалось белым очень дорогой ценой. За время боев в Уфимском районе с 15 марта по 5 апреля только 3-й Уральский корпус из армии генерала Ханжина потерял убитыми, ранеными и пленными более 3500 человек. Но и советские войска понесли тяжелые потери. В ходе оборонительных сражений под Уфой вышло из строя около половины личного состава Пятой армии. Как и в других районах прифронтовой полосы, здесь весьма отрицательно сказалась недостаточная устойчивость советского тыла. В ряде уездов Симбирской и Самарской губерний произошли кулацко-белогвардейские мятежи, к которым примкнула зажиточная часть среднего крестьянства, недовольная введением продовольственной разверстки. С огромным трудом сдерживая сильнейший натиск превосходящих сил противника с фронта и с тыла, войска Пятой армии продолжали отступать. В первой половине апреля они оставили Белебей, Бугульму, Бугуруслан. Западная армия белых двигалась по направлению к Волге.

Нанеся поражение частям Пятой армии и продвигаясь к Самаре и Бузулуку, колчаковцы тем самым создали угрозу левому флангу Первой советской армии, действовавшей в районе Южного Урала, и вынудили ее также отступить. Одновременно на южном крыле Восточного фронта активизировала свои действия белоказачья Оренбургская армия Дутова, захватившая Актюбинск и отрезавшая от Совет-

ской России Туркестан. Контрреволюция торжествовала победу. Прорыв в центре Восточного фронта открывал перед империалистами Антанты реальную возможность для объединения в районе Волги армий Колчака и Деникина и совместного их наступления на Москву. А это угрожало самому существованию Советской Республики.

В результате весеннего наступления Колчака почти весь Урал оказался под властью белогвардейских оккупантов. Режим черносотенной диктатуры, выражавший классовые интересы помещиков, крупной торгово-промышленной буржуазии и иностранного капитала, оставил тяжелый след в жизни рабочего класса и трудового крестьянства. Конечно, реакционная сущность колчаковщины, которая прикрывалась флагом свободной торговли и частного предпринимательства, не сразу дошла до сознания широких мелкобуржуазных масс. Именно поэтому крестьянство Сибири и Урала сначала не только признало Колчака, но и помогло ему воевать с Советской властью. Колчак, указывая В. И. Ленин, привлек на свою сторону массу добровольцев из зажиточных крестьян. Его армия на первых порах была едина в классовом отношении и поэтому сильна. Однако чем дальше, тем больше реакционная политика колчаковщины приходила в резкое столкновение с жизненными интересами народных масс. И это было главной причиной ее последующего банкротства.

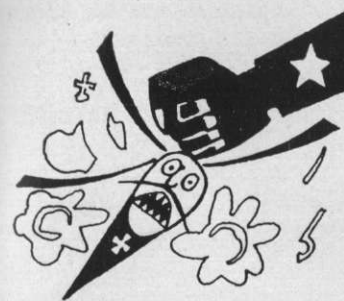
Диктатура Колчака, имевшая целью полную и окончательную ликвидацию всех завоеваний социалистической революции и восстановление всевластия крупного капитала, ударила, прежде всего, по рабочему классу. Колчак узаконил и довел до логического конца мероприятия своих меньшевистско-эсеровских предшественников по денационализации промышленности. Окончательно утвердившись в правах собственности, уральская буржуазия повела решительное наступление на жизненный уровень трудящихся масс. Происходит дальнейшее увеличение продолжительности рабочего дня, резкое сокращение реальной заработной платы, общее повышение цен в результате спекулятивных махинаций предпринимателей и торговцев. За время господства колчаковщины реальная заработная плата снизилась в среднем на 46—60 процентов. На Кыштымском заводе заработок рабочего составлял в конце января 1919 года от 6 до 10 рублей в день. В то же время фунт ржано-

го хлеба стоил здесь 1 рубль 30 копеек¹. В Екатеринбурге на Верх-Исетском заводе заработная плата рабочих в марте 1919 года номинально оставалась прежней, а цены по сравнению с декабрем прошлого года повысились: на муку ржаную с 27 до 45 рублей и пшеничную — с 30 до 60 рублей за пуд. В целом при белогвардейских оккупантах цены на продукты и товары первой необходимости возросли в 5—10 раз и больше, а номинальная заработная плата рабочих увеличилась в среднем лишь в полтора-два раза.

Семьи рабочих были обречены на систематическое недоедание и, в конечном счете, на голодную смерть. Рабочие снова попали в полную кабалу к капиталистам. Колчаковские власти под страхом жестокого наказания запретили им вмешиваться в дела производства, требовать улучшения своего материального положения, устраивать стачки и забастовки. В феврале 1919 года забастовали рабочие-водники Тюмени. Генерал Гайда приказал в трехдневный срок возобновить работу, пригрозив всех неповинующихся предать военно-полевому суду, каждого десятого — расстрелять, а остальных — сослать на каторгу. Легальные профсоюзы, существовавшие при меньшевиках и эсерах, были разогнаны. В Уфе колчаковцы арестовали 400 активных членов профсоюза, из которых 150 человек отправили в сибирские тюрьмы и там многих замучили. За первую половину 1919 года численность профессиональных союзов металлостроителей и горняков на Урале сократилась более чем в три раза — со 125 000 человек до 36 831 человека.

Притесняя и терроризируя рабочих, Колчак всячески поддерживал капиталистов. Крупная буржуазия получила при нем огромные денежные средства на развитие производства. Общая сумма субсидий и дотаций, выданных промышленникам, торговцам и банкирам к 1 августа 1919 года, составила более 750 млн. рублей. В действительности эти средства не шли на поддержание промышленности и торговли, а их беззастенчиво присваивала буржуазия. Особенно услужливо диктатор оберегал интересы иностранного капитала. За военную и экономическую помощь интервентов он расплачивался золотом, пушниной, лесом, минеральным сырьем, хлебом. По требованию Антанты Колчак согласился уплатить все долги царского и Временного правительств, передать под иностранный контроль железные до-

¹ ГАСО, ф. 1956 с., оп. 1, д. 32, л. 177.

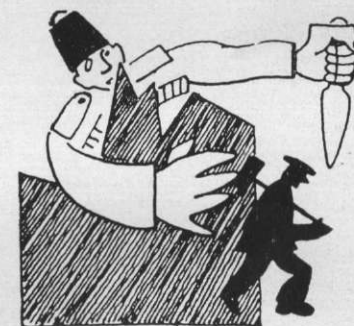
1) Если белогвардейщину не добьем совсем

2) Белогвардейщина снова встанет на ноги

3) Если кана добьем и сложим руки

4) Руку к рабочему протянет врангель

5) Пока не укрепитсЯ красное знамя,

Винтовка не может быть нами брошена

МАРКШИРОС РАСТА №149

роги и речные пути, предоставить полную свободу действий иностранным дельцам и спекулянтам. Урал, Сибирь, Дальний Восток были отданы на разграбление империалистическим хищникам.

Урал, находясь под властью белогвардейских оккупантов, переживал глубокую хозяйственную разруху, усугубившую нужду и бедствия трудящихся масс. Хищническое хозяйничанье временщиков-капиталистов, разграбление предприятий, запасов сырья, топлива и материалов, присвоение денежных ссуд и дотаций — все это привело к полной дезорганизации и упадку производства. В 1919 году из каждых пяти уральских заводов действовал только один, да и то с неполной нагрузкой. В результате производство железа и стали, например, упало до 9 процентов от уровня 1913 года, а выплавка чугуна — до 14 процентов. В тяжелой обстановке оказалась угольная промышленность. Полнейшая разруха царил на транспорте. Резко сократился подвижной парк, количество неисправных паровозов доходило до 75 процентов. Уменьшилась пропускная способность железных дорог, упала скорость поездов, так как паровозные топki чаще всего заправляли не каменным углем, а дровами.

В области аграрных отношений правительство Колчака взяло курс на денационализацию земли и защиту частнособственнических прав крупных землевладельцев. После ноябрьского переворота на Урале вступил в силу закон о денационализации земли, принятый еще Временным Сибирским правительством 6 июля 1918 года. Главный начальник Уральского края Постников, назначенный Колчаком, в циркуляре от 15 января 1919 года разъяснил земским управам, которые пытались сохранить в своих руках управление бывшими частнособственническими землями, следующее: «Постановлением Временного Сибирского правительства 4 июля все декреты Совета Народных Комиссаров, в том числе и касающиеся земельных вопросов, объявлены незаконными, а поэтому и ничтожными. Предлагается волостным управам в своих действиях руководствоваться этим постановлением»¹.

Колчаковские власти решительно поддерживали крупных собственников. Они, например, добились восстановления владельческих прав крупнейшего на Урале земельного

¹ ГАСО, ф. р.— 1956 с., оп. 1, д. 18, л. 10.

магната графа Строганова, которому до революции принадлежали имения во многих волостях Екатеринбургского, Пермского, Красноуфимского, Соликамского и Чердынско-го уездов. Особым распоряжением главного начальника Уральского края крестьянским обществам было запрещено покушаться на графскую собственность. В Воскресенской волости Екатеринбургского уезда крестьяне с разрешения земской управы попытались воспользоваться лесной дачей завода, принадлежащего помещице Вадарской. Помещица пожаловалась колчаковскому правительству. 20 января главный начальник Уральского края направил в адрес Воскресенской волостной управы предписание: «По действующим законам волостным управам не предоставлено права распоряжаться частновладельческими дачами, и выдача Воскресенской волостной земской управой разрешений на рубку леса является незаконной... В случае дальнейших выдач управою вышеуказанных разрешений, а равно и за выданные уже ею, она будет привлекаться к законной ответственности»¹.

При Колчаке широко развернулась купля-продажа земель, ставших частной собственностью. В результате земля, переданная крестьянской бедноте Советской властью, уплыла в руки кулаков. Крестьянские наделы снова распределились так, как было до Октябрьской революции. В 1919 году Колчак полностью возвратил землю церкви и казне. Только пары временно остались за новыми хозяевами. О состоянии землепользования при Колчаке можно судить по такому частному, но весьма красноречивому факту: в Камышловском уезде после изгнания оккупантов от крестьян сразу же поступило в уездный земотдел до тысячи жалоб на земельную необеспеченность.

Откровенно реакционная политика Колчака в аграрном вопросе вызвала глубокое недовольство крестьян. Опасаясь массовых крестьянских выступлений, местные власти вынуждены были обращаться к правительству с просьбой как-то урегулировать земельные отношения. Например, в докладной записке Пермского губернского земельного комитета от 14 февраля 1919 года говорилось: «С наступлением весны вопрос о порядке землепользования станет на очередь с особенной силой. Ввиду этого до окончательного разрешения земельного вопроса Всенародным законодатель-

¹ ГАСО, ф. р.— 1956 с., оп. 1, д. 18, л. 16.

ным собранием, вопросы временного землепользования должны быть разрешены сейчас же». В записке предлагалось далее издать декларацию, «которая твердо и категорически объявила бы, что немедленно — по окончании гражданской войны — земельный вопрос во всем его объеме будет поставлен на разрешение законодательных учреждений, причем при разрешении вопроса будут приняты в основание все нужды трудового народа», а «до решения земельного вопроса в законодательном порядке все земли сельскохозяйственного назначения должны быть оставлены в фактическом пользовании трудового населения»¹.

При всей своей реакционности Колчак отнюдь не чуждался демагогических методов правления. Он не мог не понимать, что его диктатура утвердилась в значительной мере благодаря поддержке мелкого собственника, который рассчитывал с помощью сильной власти сохранить в своих руках землю, уберечься от произвола со стороны крупных землевладельцев и военщины. Разрыв с крестьянством грозил резко сузить социальную базу колчаковского режима, ослабить его военный и экономический потенциал. Вот почему диктатор вынужден был опубликовать 8 апреля 1919 года специальную декларацию о земле, в которой говорилось: «Долгом правительства является создать спокойную и твердую уверенность земледельческого населения в том, что урожай будет принадлежать тем, кто сейчас пользуется землей, кто ее запахал и засеял»².

Декларация была явно рассчитана на обман крестьянских масс. Этим демагогическим приемом Колчак пытался ослабить нараставшее в тылу массовое аграрное движение. Но он вовсе не собирался затрагивать интересы земельных собственников. Более того, два дня спустя после опубликования декларации в официальном органе — газете «Правительственный вестник» — появилось такое заявление: «Впредь никакие самовольные захваты ни казенных, ни общественных, ни частновладельческих земель допускаться не будут, и все нарушители чужих земельных прав будут предаваться законному суду»³.

Что касается уже захваченных крестьянских земель, то хотя Колчак и не осмелился перед лицом аграрных беспорядков отобрать их обратно, но поспешил провозгласить

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 841, л. 94.

² Там же, д. 834, л. 146.

³ «Правительственный вестник». Омск, 10 апреля 1919 г.

собственностью государства, чтобы затем распорядиться ими в интересах крупных собственников, компенсировать последним тот ущерб, который они понесли в результате революции. Этот замысел откровенно раскрыл товарищ министра земледелия Ярмаш в речи на закрытом заседании Совета Министров 10 апреля 1919 года. «Мы считали необходимым, — заявил он, — получить право считать государственными земли, находящиеся в фактическом пользовании захватчиков, или, вернее, — внедрить в массы сознание, что хотя земля ими и захвачена, но все же она им не принадлежит. Если мы скажем, что земля принадлежит прежним владельцам, то мы не достигли бы цели, но, сказав, что эти земли переходят в распоряжение государства, мы облегчаем населению примирение с этим положением, что земля не их»¹.

Разоряла крестьянство и налоговая политика оккупантов. За первые полгода господства колчаковщины к началу мая 1919 года налоги возросли в 4 раза. За неуплату налогов производилась конфискация имущества. Еще более обременительной была система чрезвычайных контрибуций и конфискаций. Военные власти забирали у крестьян подчистую скот, лошадей, хлеб, одежду. Кроме того, на крестьян была наложена подводная повинность, которая тяжело отзывалась на их хозяйстве. Один из белогвардейцев в частном письме епископу Андрею Уфимскому рассказал о том, как военные власти ограбили население Златоустовского уезда. Крестьяне, писал автор, «ни на минуту не забывают, что их семьи остались без лошадей, коров, сбруи. Кто сейчас они, эти крестьяне? Они — большевики»².

Когда колчаковцы почували неминуемость своего поражения, они начали особенно свирепо грабить, жечь, уничтожать. Ворвавшийся в село Воскресенское, Челябинского уезда, казачий отряд вытоптал посевы и забрал всех лошадей. При отступлении белые подвергли село жестокому обстрелу, в результате чего сгорело 80 дворов, погибло в огне 9 человек³. Так было и в других селах и деревнях Челябинского, Златоустовского и Екатеринбургского уездов.

Упадок промышленности, невероятная дороговизна, которой на деле обернулась свобода торговли, недостаток

¹ Л. М. С п и р и н. Разгром армий Колчака, стр. 33.

² ПАНУ, ф. 5, оп. 4, д. 1430, л. 8.

³ Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 241.

самых необходимых в хозяйстве и в быту товаров, тяжкие налоги, наглый грабеж военщины, осуществлявшийся в форме чрезвычайных поборов, — все это довело трудовое крестьянство до крайней степени разорения и нищеты.

Стремясь полностью возродить дореволюционные порядки, Колчак проводил в интересах помещиков и крупной буржуазии и национальную политику. Он снова провозгласил старый шовинистический лозунг «единой и неделимой России». Право на автономию, полученное от Советской власти башкирами, татарами, марийцами, казахами и другими национальностями, было ликвидировано. Колчаковцы столь ретиво насаждали царскую систему колониального угнетения нерусских народов, что оттолкнули от себя даже клику башкирских буржуазных националистов во главе с Валидовым, которая яро ненавидела Советскую власть и боролась против нее с оружием в руках. Сформированные националистами башкирские воинские части переходили на сторону Красной Армии. Жестоко подавляя всякое недовольство трудящихся масс в национальных районах, правительство Колчака вместе с тем пыталось найти общий язык с эксплуататорскими классами. Оно восстанавливало прежние сословные привилегии местных феодалов, буржуазии, кулаков, духовенства. Таким образом, трудовой народ снова оказался в тисках двойной эксплуатации. Оккупанты возродили также черносотенные еврейские погромы.

Экономическое и политическое господство крупного капитала восстанавливалось методом жестоких насилий. При Колчаке белогвардейский террор достиг чудовищных масштабов. Карательные органы хватили людей по малейшему подозрению и казнили их без всякого суда и следствия. В Кизеле колчаковцы расстреляли и сбросили в шахты множество рабочих. В Нижнетагильском и Надеждинском районах было казнено не менее 10 тысяч человек, а во всем Екатеринбургском округе — 25 тысяч человек. В Челябинске белогвардейские палачи расстреляли, замучили пытками и увезли в каторжные тюрьмы 9 тысяч человек, в Троицке — около 3 тысяч. На Юрюзанском заводе каратели уничтожили 300 рабочих и членов их семей. Сначала они зверски истязали свои жертвы, а затем полуживых, привязав им камни на шею, топили в заводском пруду. Расправы над гражданским населением приняли настолько массовый характер, что встревожили местные власти. Но они

были бессильны умерить произвол распоясавшейся военщины. Вот что писал начальник Уральского края Постников министрам колчаковского правительства: «Военные власти, до самых младших, распоряжаются в гражданских делах, минуя гражданскую непосредственную власть. Расправа без суда, порка даже женщин, смерть арестованных «при побеге», аресты по доносам, передача гражданских дел военным властям, преследования по кляузам и доносам, а начальник края... может быть только свидетелем происходящего. Мне неизвестно еще ни одного случая привлечения к ответственности военного, виновного в перечисленном»¹.

Белый террор своим острием был направлен по-прежнему против наиболее активной, наиболее непримиримо настроенной по отношению к колчаковскому режиму части трудящихся — передовых рабочих, коммунистов, бывших советских и партийных работников, красноармейцев, деятелей большевистского подполья, участников партизанского движения. С ними и с теми, кто им сочувствовал, оккупанты расправлялись особенно жестоко. Колчак отличался от своих меньшевистско-эсеровских предшественников тем, что он, выполняя волю крупного капитала, помещиков, черносотенной военщины, вступил в конечном счете в непримиримый конфликт не только с рабочим классом, но и с мелкобуржуазными массами крестьянства. За малейшее сопротивление властям крестьян поролли поголовно целыми селами и волостями. В Екатеринбургском округе, например, порке подверглось до 200 тысяч крестьян, то есть почти 10 процентов всего населения. В деревнях белый террор свирепствовал с такой же силой, как в городах и заводских поселках. Всех заподозренных в сочувствии большевизму ждали тяжелые истязания и неминуемая смерть. Причем во внимание не принималось ничто — ни пол, ни возраст, ни семейное положение людей. В архиве сохранились списки крестьян Екатеринбургской губернии, убитых белогвардейскими карателями². Вот несколько примеров по Верхотурскому уезду. Крестьянка Коптеловской волости И. А. Борисихина, 62 лет, беспартийная, расстреляна за то, что двое ее сыновей служили в Красной Армии. Беспартийный крестьянин той же волости А. П. Калинин, кото-

¹ Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 242.

² ГАСО, ф. 511, оп. 1, д. 171, лл. 1—73.

рого колчаковцы заставили зарывать трупы расстрелянных, осмелился сказать офицеру, что один из них жив. За это его тут же убили. В Махневской волости каратели расстреляли беспартийного крестьянина К. И. Скрипина, 57 лет, за сочувственное отношение к Советской власти. По неполным данным, в Верхотурском уезде за время колчаковщины было расстреляно и замучено 246 коммунистов, 44 сочувствующих им и 162 беспартийных. Из общего числа убитых крестьяне составляли 201 человек. В Камышловском уезде погибло 367 человек, в их числе коммунистов и им сочувствующих 229, крестьян 208. Крестьянин И. В. Лихачев из Шаблинской волости за уклонение от мобилизации в белую армию был расстрелян и изрублен в куски шашками. В Илымской волости палачи забили насмерть дубинками беспартийного крестьянина Я. Ф. Филиппова, участвовавшего в организации местного Совета. Крестьянин Еланской волости В. И. Фомин, беспартийный, расстрелян, как видно из документа, за принадлежность к бедняцкому словию. В Троицкой волости белые убили крестьянку Н. Е. Секачеву, 55 лет, муж которой состоял в большевистской партии. За сына-большевика приняла мученическую смерть престарелая жительница Квашнинской волости А. О. Михеева: ее расстреляли на скотском кладбище. В той же волости убили крестьянку У. С. Пулькинову, которая при Советской власти купила с торгов корову кулака, сбывавшего к белым. В Квашнинской волости был расстрелян 13-летний мальчик П. Попов только за то, что не мог сказать, когда его старший брат служил в Чрезвычайной комиссии. Много жертв белогвардейского террора имелось и в других уездах губернии. Так, в 48 волостях Екатеринбургского и Красноуфимского уездов погибло самое малое 447 человек. В Режевской волости Екатеринбургского уезда белые убили 32 крестьянина, в Саранинской волости Красноуфимского уезда — 42 и т. д.

Эти списки, конечно, весьма не полные, но они позволяют проследить классовую направленность белогвардейского террора. Если рассмотреть причины террористических актов против крестьян хотя бы в Верхотурском уезде, то выходит, что здесь было убито за службу в Красной Армии 120 человек, за участие в работе советских учреждений — 71 человек, за принадлежность к Коммунистической партии или сочувствие ей — 222 человека. Жертвами террора становились не только коммунисты, советские работ-

ники, красноармейцы и их семьи, но и те, кто сочувствовал Советской власти, проявлял малейшее неповиновение или недовольство, протестовал против грабительских поборов, уклонялся от насильственных мобилизаций или просто был бедняком.

Вот в этом и состояла та страшная правда о Колчаке, которую пришлось узнать крестьянству на своем горьком опыте. В. И. Ленин писал: «Теперь правда о Колчаке (а Деникин — его двойник) раскрыта вполне. Расстрелы десятков тысяч рабочих. Расстрелы даже меньшевиков и эсеров. Порка крестьян целыми уездами. Публичная порка женщин. Полный разгул власти офицеров, помещичьих сынков. Грабеж без конца»¹.

Колчаковщина явилась жестоким уроком классовой борьбы для крестьянства Урала. Она окончательно рассеяла его соглашательские иллюзии. Мелкий собственник смог практически убедиться в том, что диктатура буржуазии несовместима с демократией, что она не может гарантировать сохранность не только его имущества, но и самой жизни. Это создало предпосылки для массового поворота крестьянства на сторону Советской власти, для развертывания в тылу белогвардейских оккупантов широкого движения сопротивления, которое ускорило крах колчаковщины.

3. Большевистское подполье действует

Контрреволюционный колчаковский режим не мог не вызвать подъема всенародной борьбы против белогвардейских оккупантов. Ряды борцов за восстановление власти Советов среди трудящихся Урала ширились из месяца в месяц. «Колчак дал нам, — говорил В. И. Ленин, — миллионы сторонников Советской власти в самых отдаленных от промышленных центров районах, где нам трудно было бы их завоевать»². Нараставшая в тылу колчаковской армии революционная война становилась одним из решающих факторов победы над интервентами и белогвардейцами.

Центральный Комитет партии из месяца в месяц усили-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 47.

² Там же, стр. 241.

вал внимание деятельности большевистского подполья. Для более оперативного руководства его работой 17 декабря 1918 года было образовано Сибирское бюро ЦК в составе Ф. И. Голощекина, И. Н. Смирнова, А. Я. Нейбута и А. А. Масленникова¹. Фактически бюро ЦК с начала и вплоть до августа 1919 года работало в составе двух членов — Ф. И. Голощекина и И. Н. Смирнова, так как остальные находились в тылу врага и вскоре погибли. Бюро должно было располагаться в том же месте, где и Реввоенсовет Пятой армии Восточного фронта, в частности в начале 1919 года оно обосновалось в только что освобожденной Уфе. Поскольку бюро руководило большевистским подпольем и на Урале, оно часто именовалось Урало-Сибирским.

Член бюро Ф. И. Голощекин в первых числах января 1919 года, находясь в Вятке, сформировал отделение Урало-Сибирского бюро ЦК, в которое вошли Н. И. Уфимцев (председатель), С. Ф. Баранов, а позднее А. А. Ляк и М. А. Беляев². Отделение находилось в месте расположения Реввоенсовета Третьей армии, длительное время в Вятке. Бюро и отделение располагали небольшим штатом опытных коммунистов — таких, как Д. К. Гончарова, А. Я. Бакаев, М. И. Шмидт, М. А. Чистяков, С. А. Килин, М. А. Медведев. Для более целенаправленного руководства и оказания максимальной помощи большевистскому подполью бюро ЦК выделило 5 районов: преддверие Урала, Южный Урал, Северный Урал, Западная Сибирь и Средняя Сибирь. Отделение занималось Северным и Средним Уралом — по Челябинск и Кыштым включительно.

Центральный Комитет партии постоянно контролировал и направлял деятельность Сибирского бюро и его отделения. За их работой следили и большую помощь оказывали им лично В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, а также работники аппарата ЦК Е. Д. Стасова, К. Т. Новгородцева (Свердлова) и другие. В Москву неоднократно выезжали члены бюро и отделения, их сотрудники. Сибирскому бюро для подпольных организаций Урала и Сибири были переданы большие денежные суммы: в январе для начала работы 650 тыс., а вскоре еще 2 млн. руб. Несколько позднее бюро получило возможность использовать такую же сумму, спря-

¹ Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов в трех томах, т. 1, стр. 445.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1186, лл. 2—4; Гражданская война на Южном Урале, стр. 211—212.

танную при отступлении советских войск в районе Миньяра. Отделение бюро получило от Уральского областного комитета партии и других органов с января по май включительно 2 398 897 руб. Следовательно, в течение пяти месяцев в распоряжении бюро и отделения имелось около 7 млн. руб. Даже при условии, что деньги тогда резко обесценивались, это была большая сумма.

Центральный Комитет партии помог бюро и отделению преодолеть большие затруднения в подборе опытных и стойких партийных работников. В разное время ЦК РКП(б) направил сюда для работы В. И. Хотимского, А. А. Григорьева, И. Б. Борисова (Цветкова), А. Я. Михееву, А. А. Карлова, Д. Д. Киселева и других. Но подавляющая часть работников для переправки во вражеский тыл была направлена из Уфы и Вятки членами бюро и отделения при содействии местных партийных организаций и политотделов войсковых соединений.

Одним из первых в Сибирское бюро прибыл З. И. Лобков, молодой, энергичный организатор, до начала гражданской войны один из руководителей Омской (Акмолинской) областной партийной организации. В распоряжение бюро поступили коммунисты Миньяра, Сима и других южно-уральских заводов, находившиеся в Уфе, — К. М. Туманов, Ф. Фатеев, В. П. Заикин, М. В. Летучев, Е. Е. Энтальцев. В распоряжение отделения были откомандированы члены партии с большим партийным стажем: М. П. Туркин (с 1902 года), Н. С. Завьялова (с 1904 года), П. И. Смирнов, В. М. Лифанов, И. П. Маликов (с 1905 года), А. Ф. Фадеев (с 1907) и другие. Немало коммунистов из местных партийных организаций было принято по их личным и настоятельным просьбам. Подбор коммунистов производился и среди красноармейцев. Так, около 20 человек было направлено в отделение из Особой бригады Третьей армии.

Серьезные трудности в организации подпольной работы возникли в связи с тем, что, несмотря на всю конспиративность и принимаемые меры предосторожности, белогвардейцам очень скоро стало известно о существовании бюро ЦК и отделения.

Принимались энергичные меры для обеспечения лучшей конспирации во время подготовки и выполнения заданий. В этой подготовке участвовали все члены Сибирского бюро и отделения. Коммунисты переходили в тыл колчаковской армии под видом кооператоров, купцов, священников, сту-

дентов, крестьян-возчиков, бывших солдат, возвращающихся из германо-австрийского плена. Довольно часто их снабжали соответствующими документами и включали в партии военнопленных, большими группами переходивших фронт. Колчаковцы отмечали, что «при известной изворотливости агенты красных, снабженные документами оставшихся в Советской России военнопленных, не могут быть изобличены ни самими военнопленными, в среде которых они находятся, ни тем более на пропускных пунктах фронта при беглом, хотя бы и подробном опросе»¹.

По характеру заданий и предстоящей работы коммунисты делились примерно на такие группы: руководители подпольных организаций (резиденты), остальные участники подпольной работы, связные (курьеры, ходоки), разведчики и бойцы партизанских подрывных групп и отрядов, в которые входило немало и беспартийных. Для участников подполья была разработана система шифров и паролей, продумана система явок и встреч.

Для переправки коммунистов за линию фронта бюро ЦК использовало разъездных сотрудников — А. Я. Бакаева, М. И. Шмидта (Эзермана), Гольцмана и других. Они в первые же недели работы нащупали участки, наиболее удобные и безопасные для перехода в районе сел Никольского и Темясова. Отделение ввело штат резидентов при некоторых войсковых соединениях Третьей армии и переправляло коммунистов в тыл врага с их помощью.

Резидентом на участке 30-й дивизии был В. А. Иванченко, 29-й — А. А. Пастаногов, в Особой бригаде — ее комиссар М. Н. Миков².

Тем, кто направлялся в колчаковский тыл, приходилось преодолевать огромные трудности. Одними из первых в конце января 1919 года были направлены питерский рабочий И. Б. Борисов (Цветков) в Сибирь и один из старейших членов Миньярской организации большевиков К. М. Туманов — в Миньяр. Переправа была возложена на А. Я. Бакаева. Все трое выехали из Уфы через Архангельский завод в село Никольское. Вышедший отсюда первым И. Борисов благополучно добрался до Аша-Балашовского завода и связался с местной подпольной большевистской организацией. Он сообщил, что следом идет извест-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 10, д. 91, л. 22.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, лл. 263—264.

ный ашинцам К. М. Туманов и просил организацию помочь ему добраться до Златоуста, а затем до Челябинска. Но местные подпольщики, опасаясь провокации, решили подождать прибытия К. М. Туманова и выяснить личность прибывшего подпольщика. И. Б. Борисов был переведен в один из куреней, где и находился под строгим наблюдением. К. М. Туманов с проводником Гайтановым 1 февраля в 2 часа дня вышел на лыжах из деревни Зоринской и лесом направился в горы. Сначала все шло благополучно, но в районе деревни Средняя Лемеза на лесной дороге К. Туманову и Д. Гайтанову неожиданно встретились конные казаки — примерно 10 человек, они задержали подпольщиков и повели в распоряжение части.

В пути Туманов и Гайтанов, пользуясь сумерками, бросились в лес и скрылись. Далее пришлось продолжать путь по безлюдным лесным массивам. До Аша-Балашевского завода К. М. Туманов добрался лишь через два дня после прибытия туда И. Б. Борисова (Цветкова). После этого И. Б. Борисов был снабжен документами и отправлен на Златоуст — Челябинск. Пробыв некоторое время в Аше-Балаше, К. Туманов доехал до Миньяра.

На этот раз все обошлось благополучно. Но случилось и иначе. Весной 1919 года была подготовлена и переправлена группа коммунистов в 5 человек во главе с П. И. Смирновым для работы в Екатеринбурге. Они были схвачены в прифронтовой полосе колчаковцами, четверых из них расстреляли, а одного бросили в пермскую тюрьму.

В конце января через линию фронта на Урал, помимо К. М. Туманова, было направлено еще несколько работников: Алексеевский (Тренин), Филиппов, Удалов. С первыми переправленными коммунистами Сибирское бюро передало ряд важных указаний подпольным организациям, в частности о недопустимости принципиальных уступок эсерам, тем более объединения с ними. Однако контакты с частью из них нужно было использовать для усиления натиска на контрреволюцию. Члены бюро ЦК высказались против индивидуального террора, проведения экспроприаций, допускаясь некоторыми организациями. Так предотвращалось распыление сил, сохранялись партийные кадры. Поскольку вооруженные восстания в отдельных городах вели к поражениям и большим потерям, бюро ЦК выступило против таких изолированных выступлений на большом удалении от фронта. Подпольным организациям предлага-

лось поднимать местные восстания рабочих, солдат и крестьян тогда, когда к данному городу приблизится фронт. Эти указания бюро ЦК были положены руководителями подполья в основу своей деятельности.

Исключительно большое значение придавало бюро ЦК руководству большевистским подпольем на Южном Урале в районе Челябинска и Златоуста. В этом направлении готовилось наступление Пятой армии. Успех борьбы за Челябинск и весь Южный Урал предопределялся освобождением Златоуста. З. И. Лобкову, прибывшему в Челябинск в первой половине марта 1919 года, поручалось создать в городе центр по руководству подпольной работой на всем Урале и в Западной Сибири. Направленный 18 февраля в Златоуст И. И. Антонов должен был образовать в Златоусте партийный комитет, военный штаб при нем, если потребуется — районные комитеты, организовать подпольные ячейки в городе, на заводах уезда и усилить их работу.

В середине февраля бюро ЦК выпустило 3 листовки: «Вставай, подымайся, рабочий народ!», «Солдаты и казаки», «Ко всем мобилизованным уральским рабочим и крестьянам». Предназначенные для распространения на оккупированной территории листовки призывали трудящихся готовиться к вооруженной борьбе. Бюро исходило из предположения о новом наступлении советских войск и подъеме революционных настроений масс, об усилении их борьбы в связи с мобилизацией в колчаковскую армию. Чтобы предотвратить стихийный взрыв и использовать революционный подъем трудящихся, бюро решило направить борьбу в организованное русло. При этом оно учитывало, что у Миньярской организации имеются большие запасы оружия, вплоть до артиллерийских орудий, много боеприпасов и взрывчатых веществ.

Приступая к подготовке южноуральских рабочих к вооруженному восстанию, Сибирское бюро ЦК делало ставку на Миньяр и ближайшие заводы. В Миньяр вслед за К. М. Тумановым была направлена группа в составе В. П. Заикина, Е. Е. Энтальцева, М. В. Летучева и отдельно Ф. Фатеев. Группе В. П. Заикина поручалось вместе с К. М. Тумановым и руководителями Миньярской организации создать штаб, который бы приступил к подготовке восстания и по указанию бюро начал его. Группа доставила в Миньяр также около 15 тысяч листовок, много номе-

ров «Правды» и «Известий»¹. Эта литература была быстро распространена на уральских заводах, в городах, селах и среди солдат.

Миньярцы, коммунисты ближайшего района, готовясь к восстанию, одновременно организовали переход сотен трудящихся, в основном молодежи, через линию фронта для пополнения Пятой армии. 14 февраля, еще до выхода группы В. П. Заикина из Уфы, в распоряжение бюро прибыл отряд миньярцев — 39 человек, а 20 февраля еще 15 человек, в числе которых была и группа Заикина². К концу месяца под носом у белогвардейских гарнизонов был сформирован отряд молодых рабочих Миньяра и Аша-Балаши в 170 человек. Все они были на лыжах и вооружены. 26 февраля отряд под руководством командира К. М. Туманова и комиссара — молодого коммуниста, бывшего члена Уралобкома Социалистического Союза рабочей молодежи В. Грачева тронулся в путь.

Погода не благоприятствовала переходу. Вначале была оттепель, непрерывно падал мокрый снег. Вымокла одежда. Бойцы пробирались по бездорожью, по глубокому снегу, через крутые горы и чащобы, в обход сел и деревень. У подавляющего большинства лыжи были не охотничьи: не обшиты шкурами. При подъеме в гору они тянули лыжников назад. Приходилось то и дело снимать лыжи, идти пешком, проваливаясь по колено, а порой и по пояс в снег. Мокрый снег набивался в набухшие от сырости валенки, за ворот. И вдруг ударил 40-градусный мороз. Одежда лыжников покрылась ледяной коркой. Мороз обжигал лицо, сковывал дыхание. Коченели руки и ноги, сводило суставы. Не спасала и быстрая ходьба. К тому же на нее не хватало сил: шли уже несколько дней, почти не отдыхая. Кончились продукты, которых взяли только на двое суток. Положение стало предельно тяжелым.

Около четырех суток продолжался этот героический поход. 15 человек попало в плен к колчаковцам или погибло в пути, 10 человек настолько сильно обморозились, что потом стали инвалидами. Только 2 марта у села Никольского отряд встретился с Красной Армией. В этот период линию фронта перешло еще несколько небольших групп рабочих

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, лл. 8—9; д. 593, л. 30; оп. 6, д. 120, лл. 70, 75, 77.

² ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 77, л. 232; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, лл. 7, 8, 16.

и крестьян. Из миньярцев и других рабочих бюро ЦК сформировало специальный отряд лыжников в 270 человек под командованием С. Д. Павлова. Отряд был хорошо вооружен, имел не менее 8 пулеметов. 8 марта он прибыл на участок 26-й стрелковой дивизии для перехода во вражеский тыл и организации там мощного вооруженного восстания, ибо наступление Пятой армии, как полагало ее командование, было подготовлено. Однако на деле оказалось, что противник имел огромный перевес сил и сумел опередить нашу армию. Начатое 4—6 марта 1919 года наступление полчищ Колчака сорвало планы бюро ЦК. Отряд С. Д. Павлова был передан в распоряжение 26-й дивизии и в ожесточенных боях понес тяжелые потери. К 9 апреля в нем осталось только 60 человек.

Во второй половине марта в связи с тяжелым положением на Восточном фронте и необходимостью направить партийных работников в войска Сибирское бюро было решением Центрального Комитета РКП(б) временно ликвидировано. Перед ликвидацией оно успело организовать и оставить в Уфе и других населенных пунктах группы коммунистов. 28 марта начальник военного контроля 6-го корпуса колчаковской армии сообщал, что в Уфе оставлено значительное количество большевиков, в задачи которых кроме агитации входит: срывать объявления военных властей, расклеивать свои прокламации, совершать террористические акты и, если обстановка будет благоприятной, подготовить вооруженное восстание.

В тех же направлениях, что и Урало-Сибирское бюро ЦК, вело работу в январе — марте 1919 года его отделение. Посылая партийных работников в различные районы Урала, отделение бюро стремилось опереться на группы, оставленные Уральским обкомом партии и отдельными местными коммунистами — например, в Екатеринбурге, Перми, Мотовилихе, Чусовской. Большое значение придавалось сохранению запасов оружия, оставленных на Урале в 1918 году. Отделение рассчитывало после создания сети резидентов, подпольных организаций, завершения основной работы по подготовке ими вооруженного восстания направить туда новые группы работников, денежные средства и, если удастся, оружие. Спрятанное в Екатеринбурге, Сысерти, в районе Перми оружие могло быть широко использовано несколькими отрядами восставших. Предполагаемое начало вооруженного восстания отделение, как и бюро,

приурочило к моменту наступления Красной Армии. 23 февраля был выпущен первый и единственный номер специальной газеты «Пламя восстания», изданной как «Орган Урало-Сибирского бюро ЦК РКП». Газету распространяли в тылу врага и среди солдат колчаковских войск посылки отделения Урало-Сибирского бюро и политического отдела Третьей и Второй армий. Изю дня в день из Вятки к фронту отправлялись представители отделения. К 10 марта на Урал с различными поручениями отправилось 19 коммунистов: резиденты, работники-организаторы, ходоки. Некоторые из них получили задание установить связь с коммунистами, оставленными на Урале при отступлении Красной Армии.

В связи с временной ликвидацией Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК в начале апреля была произведена перестройка работы отделения. В его задачу вошло руководство военно-разведывательной и диверсионно-подрывной работой в тылу врага. Расширились и территориальные рамки работы отделения: оно взяло на себя руководство большевистским подпольем на Южном Урале и в значительной части Сибири, обеспечивало его кадрами и средствами. Отделение стало именоваться Урало-Сибирским бюро ЦК РКП(б).

Отделение стремилось установить прервавшиеся после весеннего провала связи с Сибирским областным подпольным комитетом. Центральный Комитет РКП(б) направляет в Вятку для засылки на постоянную работу в Сибири видных партийных работников. Вместе с тем серьезное внимание уделяется по-прежнему Уралу, особенно его северной части. По договоренности с Реввоенсоветом Третьей армии для налаживания разведывательной работы в тылу врага 5 апреля образуется военный отдел в составе отделения. Он должен был создать резиденции в Кунгуре, Перми, Екатеринбурге и Омске. Для дезорганизации тыла противника, выведения из строя коммуникаций готовились к отправке на Урал партизанские отряды и группы.

Первые два-три месяца работы Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК, его отделения, несмотря на отдельные упущения, несовершенство некоторых форм, в целом дали большие результаты. Руководство подпольными организациями, прежде всего на Урале, со стороны ЦК стало более оперативным и организованным. Подпольному центру, некоторым местным нелегальным большевистским орга-

низациям стали поступать деньги, литература, информация. Но особенно важное значение имело усиление помощи подпольным организациям кадрами и конкретными директивными установками, разрабатывавшимися в ЦК и в бюро с учетом опыта революционной борьбы коммунистов в тылу колчаковской армии.

Под руководством Центрального Комитета РКП(б), а затем и Сибирского (Урало-Сибирского) бюро и отделения подпольный обком партии из месяца в месяц повышал уровень руководства партийными организациями, прилагая большие усилия для анализа исторической обстановки, разработки тактики революционной борьбы и ее претворения. Подпольный центр продолжал практику созыва партийных конференций, решения которых играли большую роль в повышении организационно-политического уровня работы большевистских организаций, руководством ими революционной борьбой трудящихся масс.

23 ноября 1918 года в Томске проходила II Сибирская партийная конференция. Урал был представлен на ней делегатом от Челябинска. Поскольку на конференции полнее, чем ранее, было представлено большевистское подполье Восточной Сибири, она получила наименование Общесибирской. Делегаты обсудили доклад Сибирского ОК о текущем моменте, доклады с мест, вопросы о партийной тактике, организационно-партийной и военной работе¹. Определяя задачи и тактику подпольных большевистских организаций, конференция решила «поставить своей основной задачей подготовку восстания против буржуазной диктатуры в Сибири, восстания за восстановление власти Советов Рабочих и Крестьянских депутатов...»².

Конференция избрала новый состав партийного центра, названного Центральным Комитетом РКП(б) Сибири, во главе с А. Я. Нейбутом. Сибирско-Уральский партийный центр переехал в Омск. В решениях I Общесибирской подпольной конференции РКП(б) были разработаны важные политические и организационные вопросы деятельности подпольных организаций и коммунистов. Выполнение этих решений способствовало более успешному развертыванию

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, л. 632, л. 7; Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.). Документы и материалы. Новосибирск, 1959, стр. 55—56.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, л. 584, л. 37.

революционной борьбы рабочих, солдат и трудящихся крестьян против Колчака.

Но вот прошло несколько месяцев упорной борьбы коммунистов-подпольщиков. Произошли серьезные изменения в международной и внутренней обстановке, сдвиги в соотношении классовых сил. Жизнь, задачи революционной борьбы требовали конкретизации и дальнейшего развития тактики большевистского подполья. 20—21 марта 1919 года в Омске состоялась III Сибирская (II Общесибирская) нелегальная конференция РКП(б). В ее работе, в числе других принимали участие делегат Челябинской организации С. М. Рогозинский и делегат от Тюмени.

На повестку дня был вынесен большой круг вопросов: отчет ЦК; доклады с мест; текущий момент; о тактике; устав подпольных организаций. В резолюции «По вопросам тактики» уделялось большое внимание характеристике трудового крестьянства, активность которого постоянно росла. Перед рабочими ставилась задача всемерно укреплять военно-политический союз с трудящимся крестьянством, вовлекать его в активную революционную борьбу за восстановление Советской власти. Если в решениях предыдущей конференции шла речь о союзе пролетариата с беднейшим крестьянством, совместном выступлении с ним, то теперь выдвигалась установка на союз со всем крестьянством, на использование всех промежуточных слоев населения.

Главным методом революционной борьбы конференция определила «организованные вооруженные восстания рабочих, крестьянских и солдатских масс, имеющие целью установить в обширных районах и, если возможно, во всей Сибири Советскую власть». В решениях по-прежнему проводилась идея об «Общесибирском рабоче-крестьянском восстании», близости его. Важное значение придавалось такой форме борьбы, как партизанское движение¹. Большое значение имел принятый конференцией «Устав Российской Коммунистической партии большевиков для Сибири и Урала» и ряд инструкций. Выполняя указание бюро ЦК, конференция определила название избранного ею партийного центра как Сибирский областной комитет РКП(б). Председателем его был избран А. А. Масленников. В соответствии с Уставом при ОК создавались два бюро: Восточно-

¹ Партизанское движение в Западной Сибири, стр. 75—78.

Сибирское и Уральское. Последнее возглавила член ОК С. И. Дерябина, известная уральская революционерка. Белогвардейцы увезли ее из Самары на «поезде смерти» в Сибирь, но она бежала из тюрьмы и была делегирована на конференцию от Иркутской подпольной организации¹. Как руководитель бюро Дерябина должна была отправиться на Урал и возглавить там партийную подпольную работу.

В решениях II Общесибирской конференции проявилась забота об обеспечении безраздельного партийного руководства всеми революционными выступлениями рабочих, солдат и крестьян. Она была пронизана идеей организации поражения Колчака, восстановления Советской власти в освобожденных районах, заботой о всемерном содействии боевым успехам Красной Армии. По ряду вопросов решения конференции, в сущности, совпали с решениями исторического VIII съезда партии, работавшего в Москве в те же дни. Прежде всего, это нашло выражение в определении политики по отношению к середняку.

Руководствуясь директивами ЦК, Сибирского бюро ЦК, решениями нелегальных конференций, поступившими позднее решениями VIII съезда партии, подпольные большевистские организации Урала, как и Сибири, усиливали борьбу против колчаковщины, повышали уровень руководства революционной борьбой трудящихся масс.

В авангарде революционной борьбы на Южном Урале шла быстро растущая челябинская организация РКП(б). 11 декабря 1918 года в Челябинске была проведена общегородская конференция, на которой присутствовало до 20 делегатов от подпольных организаций и групп предприятий города, в том числе заводов Столь, винокуренного, Челябинских копеей, от железнодорожников и солдат. Конференция избрала комитет, в который вошли коммунисты В. И. Гершберг (председатель), Д. Д. Кудрявцев, О. П. Хотеев, С. А. Кривая, С. М. Рогозинский, А. Н. Зыков и М. С. Иванов (члены). Кандидатами в члены были избраны В. Я. Екимов и А. И. Чикишев.

После конференции начинается новый этап в деятельности Челябинской организации, в ходе которого совершенствовалась система руководства организацией, созда-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 6, лл. 2—5; д. 627, лл. 2, 14.

вались районные комитеты партии и военные штабы. Все это позволило достигнуть более высоких результатов в работе.

В Челябинскую организацию вовлекались все новые группы рабочих. Конспиративные ячейки существовали на всех предприятиях города, в некоторых учреждениях, отдельных профсоюзах, на всех участках станции Челябинск, среди учащихся. «Десятки» и «пятерки», входившие в состав Челябинской организации, продолжали создаваться и вне города: на угольных коях, на нескольких железнодорожных станциях и разъездах, в том числе в Шумихе и Мишкино, во многих селах.

Большую работу вели Челябинский комитет и военно-революционный штаб в колчаковских войсках. Весной 1919 года большевистское подполье имело почти во всех частях гарнизона. К отдельным частям прикрепляли активных коммунистов. Так, к сформированному зимой 1919 года полку (курению) им. Тараса Шевченко, названному так белогвардейцами в демагогических целях, был прикреплен В. Г. Киселев. С ним работали М. С. Иванов, И. Х. Васанов, И. С. Солодовников. Под руководством этих коммунистов в полку была создана подпольная организация, которую возглавил Революционный военный совет под председательством В. И. Орловского. Большинство солдат ненавидело колчаковщину, сочувствовало Советской власти. В марте 1919 года полк был распропагандирован и готов к вооруженному восстанию по призыву коммунистов. Подпольные организации и группы существовали также в 21-м и 141-м стрелковых полках, в штабах. Военные подпольные группы готовили переход на сторону Красной Армии, если часть будет отправлена на фронт. Так и случилось. Еще в январе 1919 года многие солдаты 21-го Челябинского полка, находясь в боях под деревнями Соколовской и Морозовкой, перешли на сторону красных. Позднее на сторону Красной Армии перешли солдаты 141-го и им. Шевченко полков.

Перед отправляющимися на фронт революционными солдатами ставилась задача вести агитацию за переход к красным не только в своих, но и в соседних частях. В белогвардейской сводке за 17—23 апреля 1919 года отмечалось: «На фронте в значительном количестве распространяются большевистские прокламации, из коих видно, что печатались они в Челябинске. Кроме фронтовых частей, прокла-

мации эти попадают и во вновь формируемые части войск»¹.

В результате разносторонней агитационной и организационно-политической работы в массах был достигнут быстрый рост организации. Численность большевистских ячеек в марте 1919 года только в Челябинске превысила 200 человек. Сотни подпольщиков имелись в частях гарнизона.

Особенностью подпольной работы коммунистов Челябинска зимой 1918—1919 годов было то, что они прибегали к помощи левых эсеров и анархистов. Отдельные ячейки, например на заводе Столь, даже слились. Некоторые левые эсеры и анархисты (Образцов, Берестов и др.) были привлечены к работе Центрального военно-революционного штаба.

Постоянную работу проводил в Челябинске Красный Крест, руководимый С. А. Кривой. Он оказывал помощь семьям красноармейцев, политическим заключенным, организовывал побеги арестованных, снабжал скрывающихся от преследования лиц документами, средствами, переправлял некоторых из них в другие города. В составе Красного Креста работало паспортное бюро, фабриковавшее различные документы. Наладилась разведывательная и контрразведывательная работа с участием И. С. Солодовникова, В. А. Вожакова, А. И. Чикишева, Г. И. Широкова и других.

Рабочие-железнодорожники выводили из строя паровозы и вагоны. Подрывная работа велась и непосредственно на предприятиях, в цехах железнодорожных мастерских. Рабочие затягивали ремонт машин и оборудования, подвижного состава. Отремонтировав один узел или механизм, они незаметно выводили из строя другой и вновь продолжали ремонт, а если поблизости не видно было начальства и доносчиков, вообще прекращали работу.

Несмотря на арест белогвардейцами в начале февраля 1919 года тринадцати подпольщиков-железнодорожников, подпольная работа в Челябинске достигла в марте наивысшего подъема. Этому в немалой степени содействовало установление связей комитета с Сибирским бюро ЦК. Представитель бюро ЦК З. И. Лобков, получивший задачу добиться вместе с коммунистами Челябинска оживления работы на всем Урале и в Западной Сибири, провел совещания членов комитета, штаба и партийного актива.

¹ ЦГАОР СССР, ф. 253, оп. 1, д. 142, л. 139.

В этот период первостепенной задачей челябинской организации стала подготовка восстания. На крупных предприятиях, на копиях, в Железнодорожном районе формировались рабочие отряды. Их общая численность достигла многих сотен человек. Рабочие извлекали из тайников оружие, переносили его на подпольные склады. Для начала действий оружия и боеприпасов было достаточно. Организация имела даже пулеметы. Рабочих Челябинска должны были поддержать деревни уезда, куда для ознакомления местных подпольщиков с планом восстания, усиления работы по созданию нелегальных крестьянских дружин посылали представителей комитета, опытных коммунистов-организаторов, работников штаба.

О подготовке вооруженного восстания в Челябинске колчаковцы писали: «Усиленно ведется организация боевых дружин и обучение их обращению как с оружием, так и со взрывчатыми веществами... С особенной энергией добывается и разыскивается оружие. Непрерывно ведется наблюдение за различными складами оружия (пороховые погреба, вагоны, пакгаузы), причем главное внимание обращено на род и количество охраняющих склады караулов. Очевидно, большевики, имея достаточное количество оружия для вооружения ближайших членов своих организаций, обратили внимание на склады оружия, дабы в удобный момент, бросив демагогический лозунг в широкие солдатские и народные слои, поднять восстание под своим руководством. Немалое внимание обращено большевиками на вербовку лиц низшего медицинского персонала (фельдшеров), дабы через них доставать медикаменты, необходимые для изготовления взрывчатых веществ...»¹. Примерно так в действительности и велась подготовка восстания, только размах ее был большим и выходил за пределы города и угольных копей.

Подпольная организация намеревалась поднять восстание в момент приближения к Челябинску советских войск. Как вспоминал член подпольной организации Р. Н. Черепанов, восстание предполагалось начать в ночь на 12 апреля. Однако наступление Красной Армии на Восточном фронте началось гораздо позднее. К тому же в последних числах марта Челябинскую подпольную организацию постиг страшный удар. Были разгромлены общегородской

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1499, л. 10.

комитет, военно-революционный штаб, некоторые райкомы и многие ячейки. За некоторыми видными челябинскими подпольщиками с помощью провокатора Барболина контрразведка вела слежку длительное время. Одним из первых был арестован работник военно-революционного штаба — левый эсер Образцов, который предал известных ему подпольщиков.

За несколько дней, начиная с 25 марта, были схвачены около 60 человек, в том числе и руководители подполья: З. И. Лобков, А. А. Григорьев, С. А. Кривая, В. И. Гершберг, Д. Д. Кудрявцев и другие, партийный актив на заводе Столля, копиях и других предприятиях. Продолжались аресты и в последующие дни. По сообщению белогвардейской печати, всего задержали около 200 человек. 66 подпольщиков увезли в Уфу. В мае 1919 года по приговору военно-полевого суда свыше 30 человек было заколото, зарублено, расстреляно, другие — приговорены к каторге и отправлены в Сибирь, лишь 9 человек по суду «оправдали»¹. Колчаковцы захватили винтовки, револьверы, пулеметы, патроны, взрывчатку, типографии, много паспортов, свыше 60 тысяч рублей денег. Следовательно, организация понесла потери не только в кадрах, но и утратила большие запасы оружия, боеприпасов, все типографии, большую часть денег.

Ареста в Челябинске удалось избежать только четырем членам подпольного комитета: О. П. Хотеевскому, С. М. Рогозинскому, А. Н. Зыкову и М. С. Иванову. О. П. Хотеевский успел выехать из города и намеревался перейти линию фронта. Однако в Златоусте он был арестован и расстрелян². С. М. Рогозинский вернулся из Омска с подпольной конференции в самом начале арестов, числа 24 марта. Он успел скрыться и уехал обратно в Омск³. М. С. Иванов скрывался, на некоторое время выезжал в Златоуст, поддерживал связь с оставшимися на свободе коммунистами. С их согласия примерно 10 апреля он выехал в Омск для организационной работы, создания вновь партийных ячеек в связи с провалом и в этом городе. Затем Иванов должен был вернуться в Челябинск, проинформировать подпольщиков о положении в Омске и продолжать работу.

¹ ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 325, лл. 89—126; сборник «Колчаковщина на Урале», стр. 196—197.

² ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 10, д. 23, лл. 1, 7, 18.

³ ПАЧО, ф. 595, оп. 1, д. 335, лл. 147—149.

Вынужден был скрываться и А. Н. Зыков, которого разыскивала контрразведка¹. Таким образом, челябинские коммунисты, оставшиеся на свободе, оказались разобщенными. Подпольного центра в городе не было. Наступил спад подпольной работы.

В Троицке подпольная организация возникла сравнительно поздно — в феврале 1919 года. До этого времени в городе имелись только небольшие группы коммунистов². В первых числах февраля из Челябинска «для основания подпольной большевистской организации» сюда направляется коммунист Н. С. Полухин. В городе началась организационная работа³. Примерно 10 марта проводилась общегородская подпольная конференция. Она избрала подпольный центр под названием «Военно-революционный штаб» в составе Н. С. Полухина (председатель), А. Я. Наумкина (товарищ председателя), Д. А. Пеньковского (секретарь и казначей) и других. В первых числах апреля, после сообщения о провале Челябинской организации, была экстренно созвана 2-я общегородская подпольная конференция, наметившая меры для предупреждения провала в Троицке и расширения организации. В апреле организация выросла до нескольких десятков человек. К ним примыкали беспартийные участники подпольной работы. Характерно, что за многие месяцы активной деятельности организация не имела ни одного массового провала. В одном из агентурных сообщений местной контрразведки в конце марта 1919 года говорилось: «В настоящее время в городе Троицке образовалась местная большевистская организация социал-демократов большевиков. Организация обставлена весьма конспиративно»⁴. Объяснялось это и умелой конспирацией, и тем, что по сравнению с другими городами здесь значительно лучше была поставлена контрразведывательная работа. В колчаковской милиции по поручению организации действовала большая группа подпольщиков во главе с П. П. Коптяковым. Некоторые из них участвовали даже в секретных заседаниях, проводившихся начальником

¹ ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 10, д. 23, л. 7.

² ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 8, д. 19, л. 10; П. С. Лучевников. Гражданская война на Южном Урале (1918—1919 гг.). Челябинск, 1958, стр. 131.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, лл. 17—18; д. 2058, лл. 21—22. ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 323, л. 174.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 236, оп. 1, д. 1-я, л. 89.

контрразведки, и своевременно предупреждали о готовящихся арестах и установленной слежке за коммунистами. Группа Коптякова также снабжала организацию оружием.

Оживилась подпольная работа в Пермской губернии, прежде всего в Екатеринбурге. В захваченной колчаковцами в декабре 1918 года Перми осталось много коммунистов. Часть из них не успела выехать из города или попала в окружение и плен, другие были специально оставлены для подпольной работы. На Северный и Средний Урал стало засылать партийных работников отделение бюро ЦК. В Перми Уралобкомом партии была оставлена группа во главе с А. Я. Валеком.

С приездом А. Я. Валека в начале января 1919 года в Екатеринбург здесь начинается бурный подъем подпольной работы. Создается единая организация во главе с городским комитетом в составе А. Я. Валека (председатель), А. Я. Попова (товарищ председателя) и А. Самкова (секретарь). Екатеринбургское подполье строилось по принципу конспиративных «пятерок». Когда организация разрослась, город разбили на несколько районов. Районы, в свою очередь, делились на участки, а последние на кварталы. Каждое из этих звеньев возглавлялось руководящей «пятеркой»¹. Пятерки имелись на крупных предприятиях — ВИЗе, заводе Ятеса, фабрике Макаровых, на мелких предприятиях и в мастерских, на мельницах, в типографиях, больницах, учебных заведениях, кооперативных и профсоюзных организациях, среди железнодорожников, в войсках, милиции, лагере бывших военнопленных-иностранцев и среди попавших в плен красноармейцев. Основные усилия организации направлялись на то, чтобы поднять на борьбу против Колчака широкие массы трудящихся. Екатеринбургцы часто и упорно бастовали. Особенно энергично и организованно действовали рабочие заводов Верх-Исетского и Ятеса, где крепче и активнее были подпольные группы². Уже в декабре 1918 года на этих заводах происходили выступления, вызвавшие тревогу колчаковцев. На ВИЗе, например, несколько дней простояла мартеновская печь, забастовщики отказались работать, ссылаясь на «невыдачу зарплат». В апреле 1919 года ви-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 236, оп. 1, д. 1—2, лл. 101—102.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1216, л. 9.

зовцы вновь поднялись на забастовку. Работа на заводе почти полностью прекратилась.

Большой активностью отличались подпольные группы железнодорожников, которыми руководил член горкома А. Самков. Бывал в железнодорожном районе и А. Валек. Здесь возникла сеть «пятерок». Железнодорожники неустанно вели подрывную работу, выводили из строя подвижной состав, разбирали железнодорожное полотно, организовывали крушения воинских эшелонов. Диверсии железнодорожников облегчали положение Красной Армии на фронте.

Эффективно действовала зимой и весной 1919 года военная группа екатеринбургской подпольной организации во главе с А. Я. Поповым. Подпольщики разлагали колчаковские войска, способствовали росту дезертирства, готовили солдат, сочувствующих большевистской партии, к вооруженному восстанию. Командующий Сибирской армией Гайда в начале марта 1919 года вынужден был признать, что в последнее время замечаются в больших размерах самовольные отлучки и дезертирство солдат из войсковых частей. Немалую роль в разложении белогвардейских частей сыграла и комсомольско-молодежная группа, насчитывавшая до 20 человек и возглавлявшаяся А. и Ф. Луговыми, В. Самодуровым, П. Кобловым.

Большевистская работа велась и в Екатеринбургском лагере военнопленных венгров и немцев. Одним из ее руководителей был Ф. О. Вальтер, непосредственно связанный с горкомом РКП(б). В общей сложности екатеринбургская организация весной 1919 года насчитывала не менее ста человек. В момент провала организации в конце марта и в апреле колчаковцами было арестовано до 300 членов подпольной организации и подозреваемых в этом лиц¹.

Коммунисты Екатеринбурга поддерживали связь с Туринском, Березовском, с Нижнетагильским, Полевским, Сысертским, Уфалейским заводами, с Пермью, Челябинском, городами Сибири. Интенсивные попытки наладить связи объяснялись тем, что Екатеринбургский комитет развернул подготовку вооруженного восстания и считал целесообразным выступить одновременно с Челябинском, Омском, Томском и другими городами. Выступление намечалось примерно на середину апреля. Это совпадало с на-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 11, д. 92, л. 8.

меченным сроком восстания в Челябинске. Очевидно, планы действий этих двух крупнейших уральских организаций согласовывались.

В самый разгар подготовки к вооруженному восстанию провал Челябинской организации дал нити к екатеринбургскому подполью. Арестованные в ночь на 28 марта несколько работников проявили стойкость, и организация осталась нераскрытой. Но когда арестовали Логинова, нити к которому контрразведка получила в Челябинске (он стал предателем), в ночь на 1 апреля были схвачены А. Я. Валек, М. О. Авейде, В. А. Вожаков, С. М. Буздес и другие. Аресты продолжались. В тюрьмах Екатеринбурга оказались сотни подпольщиков, рабочих и солдат, заподозренных в подпольной работе. Управляющий Пермской губернией министру внутренних дел в середине апреля писал, что в Екатеринбурге число арестованных составило 275 человек, часть которых уже повешена¹. Погибли А. Я. Валек, М. О. Авейде и многие другие замечательные коммунисты.

Иначе сложилась судьба активных членов военной группы. В разное время, начиная с 10 апреля, были арестованы А. Попов, А. Чирухин, А. Глухих, В. Барышников, В. Птухин, П. Батин и П. Партин, которых содержали на Верх-Исетской гауптвахте, в «камере смертников». В ночь с 1 на 2 июня им удалось совершить смелый побег и вновь включиться в борьбу².

Массовые аресты привели к тяжелым последствиям. Сохранилось сравнительно небольшое число групп. Понадобилось длительное время, чтобы оставшиеся на свободе коммунисты возобновили организованную работу. В центральных районах Урала зимой и весной 1919 года продолжали действовать подпольные группы в Сысертском, Михайловском, Березовском, Полевском, Ревдинском заводах, в Алапаевске, Ирбите и других городах.

Зимой началась подпольная революционная работа в Кушвинско-Тагильском промышленном районе. Начальник Кушвинского гарнизона, руководивший борьбой против революционного движения в районе, 21 января 1919 года отмечал: «Настроение района весьма подозрительное, отряд постоянно излавливает комиссаров, и есть предположе-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 51, л. 149; ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 11, д. 95, л. 8; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1499, л. 13.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 824, л. 76.

ния о имеющихся складах оружия. Организация большевиков в Н. Туринском заводе летучим отрядом подавлена»¹. Но полностью подпольные организации и группы колчаковцам подавить не удалось. К весне 1919 года возникла подпольная организация в Верхней Туре. Ее создал член партии П. Н. Андреев, который в декабре 1918 года в Перми попал в плен, но бежал из концлагеря. В Нижнем Тагиле, как указывается в воспоминаниях одного из рабочих — И. В. Рубленова, — также имелась подпольная организация, которая была связана с екатеринбургским подпольем².

Большевистское подполье возникло и на севере Урала — в Надеждинском заводе. В числе его руководителей были члены партии М. Д. Соловьев и О. Н. Соловская, работавшие до осени 1918 года в омской организации. В подпольную работу включилось и несколько левых эсеров, стоявших на советской платформе. Среди них был А. И. Никитин, после освобождения завода вступивший в большевистскую партию. В начале апреля 1919 года колчаковцы схватили коммунистов М. Д. Соловьева, О. Н. Соловскую и других подпольщиков. Но большинство подпольных ячеек в Надеждинске в начале апреля сохранилось, и революционная работа продолжалась³.

На Среднем и Северном Урале не прекращалась революционная борьба в деревне. Во многих случаях ее направляли сельские подпольщики, связанные с городскими организациями. Борьба трудящихся крестьян принимала самые различные формы — например, массовой порубки леса. Так, весной 1919 года крестьяне-башкиры Саринской волости вырубили леса в казенной Белокаменной даче⁴. Крестьяне все настойчивее сопротивлялись очередным мобилизациям в колчаковскую армию. Волнения во время февральско-мартовской мобилизации имели место в Знаменском, Ляпуновском, Байкаловском и других селах Ирбитского уезда. Мобилизуемые отказывались следовать в Ирбит. В села были посланы наряды милиции, произведены аресты, порка. В Шадринском уезде арестовывали за революционную агитацию десятки крестьян, состоявших в боль-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 3845, оп. 1, д. 14, л. 123.

² Нижнетагильский филиал ГАСО (НТФ ГАСО), ф. 195-р., оп. 1, д. 27, лл. 74—76.

³ ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 2, д. 79, л. 27.

⁴ Там же, оп. 10, д. 2, л. 84.

шевистской партии или входивших до лета 1918 года в органы Советской власти. В селе Песчаном 19 февраля 1919 года был арестован Д. А. Вепров, который «агитировал в пользу Советской власти и принадлежал к партии большевиков»; несколько раньше были арестованы крестьяне села Ключевское М. Е. Еремеев, А. П. Благодарев, П. Я. Еремеев и другие¹.

На Среднем Урале, а также в смежных районах нарастал поворот на сторону Советской власти тех трудящихся масс крестьянства, которые прежде проявляли колебания или даже оказывали поддержку кулаку, контрреволюции. К весне 1919 года многие середняки сплотились вокруг рабочего класса и беднейшего крестьянства, отчасти это было результатом деятельности большевистского подполья. Подпольные организации и группы в рассматриваемый период действовали не только на Среднем и Южном Урале, они имелись и на Западном Урале. Правда, здесь их было сравнительно немного. В Перми и Мотовилихе были оставлены А. В. Марков, Верник и другие коммунисты². Немало членов партии не смогли вовремя покинуть город, но избежать арестов удалось немногим. Приходилось или все уезжать из города, или длительное время скрываться, не приступая к работе. И все же подпольная работа в городе к весне 1919 года постепенно налаживалась. Возникли группы на крупнейших предприятиях. Коммунист А. Котов, перешедший линию фронта, в докладе отделению Урало-Сибирского бюро ЦК сообщал, что активными были подпольные группы на заводах Балашова, Леснера и в Мотовилихе. Во главе подпольной группы Леснеровского завода стоял большевик Резвых. А. Котов входил в состав подпольной группы завода Балашова. Работа велась в речной флотилии, а также в городской милиции, состоявшей в значительной части из пленных красноармейцев. Подпольщики Перми, Мотовилихи срывали на предприятиях выполнение военных заказов, готовились к восстанию, располагая оружием, хранившимся в лесу, близ Камы, южнее завода Балашова³.

Развернуть подпольную работу в Перми помогли работники, направленные сюда из-за линии фронта отделением

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 2, д. 824, лл. 83—85, 110.

² ЦГАОР СССР, ф. 236, оп. 1, д. 15-в, л. 263; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1191, л. 29.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, лл. 129—130.

бюро ЦК. Например, в марте здесь побывал коммунист В. А. Иванов. При участии нескольких работников, прибывших из-за фронта, была создана подпольная большевистская организация в 3-м батальоне морских стрелков, насчитывавшая 80 человек. К сожалению, в конце апреля 1919 года она подверглась частичному разгрому¹. В марте — апреле 1919 года в Перми производились многочисленные аресты подпольщиков, но подполье не было уничтожено полностью. Отдельные группы сохранились и действовали. Подпольная работа велась в Кунгуре, Кизеле, Лысьве, Чусовой. Так, на Чусовском заводе работали коммунисты М. П. Шипанов, Д. К. Середенко; близ Лысьвы и на самом заводе вела работу группа во главе с коммунистом П. И. Куликовым, которая выпускала и распространяла листовки².

На Западном Урале, районы которого находились в руках врага около шести месяцев и меньше, также успело сложиться большевистское подполье. Однако оно было гораздо слабей, чем в других районах Урала, и состояло по преимуществу из небольших и разрозненно действующих групп в городах, на заводах.

С наступлением зимы 1918—1919 годов более активно проявило себя большевистское подполье в Зауралье, в частности в Тобольске. Усилилась деятельность тюменского подполья. Большое внимание уделялось здесь агитационной работе, для которой использовался даже Народный дом. Широко развернулась забастовочная борьба. По признанию белогвардейцев, забастовки в Тюмени внешне выглядели экономическими, но на самом деле возникали по политическим мотивам, в результате большевистской агитации³.

Особенно крупной была забастовка тюменских водников с 18 февраля 1919 года по 7 марта, организаторами которой являлись Н. И. Татуров, Т. В. Хрусталева и другие⁴. Она имела огромное значение для политического воспитания рабочих Тюмени, оказала влияние и на трудя-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 236, оп. 1, д. 15-б, л. 222.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1462, лл. 19—23. В пороховом дыму. Воспоминания участников гражданской войны. Пермь, 1961, стр. 186—189.

³ ЦГАОР СССР, ф. 1429, оп. 1, д. 93, л. 65; д. 94, лл. 2, 6; д. 95, л. 274.

⁴ Там же, д. 96, лл. 3—21.

щихся других городов. Кроме того, был нанесен ощутимый удар по пароходным компаниям. С наступлением навигации выяснилось, что многие пароходы находятся в непригодном для эксплуатации состоянии, фактически не отремонтированы. Одновременно с забастовкой шла работа по подготовке восстания. Рабочие предприятий и железнодорожники добывали оружие. Так, по сведениям И. В. Онуфриева, подпольная группа на 7-м участке службы пути разоружила солдат, уничтожая тех, кто оказывал сопротивление¹. В одном из сообщений белые отмечали, что из 800 рабочих депо службы тяги «до 60 человек... имели оружие»².

К исходу 1918 года усилилась тяга рабочих в подпольную организацию в Кургане³. Организация, действовавшая с лета, выросла. Она имела связи с Омским, Челябинским комитетами, коммунистами в Петропавловске. Курганский комитет возглавляли Г. Халин, В. Корюкина, М. Шинкаренко и другие. С группами он был связан через специальных представителей. К весне 1919 года общая численность городской организации превысила 60 человек⁴. Были созданы ячейки в Макушино, Лебяжье, куда специально выезжали курганские коммунисты. Конспиративные группы — «десятки» образовались в частях гарнизона в 34-м пехотном полку, в 1-м авиапарке и других⁵.

Курганская организация больше, чем какая-либо другая в Зауралье, уделяла внимание революционной работе в деревне. При подпольном комитете РКП(б) существовал небольшой, но постоянный штат опытных коммунистов для руководства нелегальной работой в деревне — таких, как В. Курчевский, А. Лебедкин. По некоторым данным, подпольные организации и группы в селах Курганского уезда, руководимые городским комитетом, уже в декабре 1918 года насчитывали около 200—250 членов. Весной 1919 года их стало больше. Комитет поддерживал непосредственные связи с 17 сельскими подпольными группами и руководил их работой⁶. С конца марта основной упор работы комму-

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1827, лл. 13—14.

² ЦГАОР СССР, ф. 1429, оп. 1, д. 94, л. 4.

³ ЦГАОР СССР, ф. 236, оп. 1, д. 1-а, л. 3.

⁴ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1826, л. 2; Партийный архив Курганского ОК КПСС (ПАКУО), ф. 5857, оп. 2, д. 5, л. 35.

⁵ ПАКУО, ф. 5857, оп. 1, д. 5, л. 36; ф. 3219, оп. 2, д. 5, л. 10; ЦГАОР СССР, ф. 236, оп. 1, д. 428, л. 2; д. 437, л. 12.

⁶ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1826, л. 2.

нистов был перенесен в деревню. После многочисленных арестов в городе некоторые из коммунистов перебрались в села (провал был связан с арестами в Челябинске)¹. Наибольшее число подпольных групп имелось в восточной части уезда: в Моршихе, Пьянково, Казаркино, Быково, Частоозерском, Долговском. Из всех направлений разнообразной деятельности сельских подпольщиков можно выделить их борьбу за срыв мобилизаций в колчаковскую армию. Агитация против мобилизации велась в Лопатинской, Моршихинской, Сусловской, Марайской, Солтосарайской, Брылинской и других волостях. Управляющий уездом в январе 1919 года доносил управляющему Тобольской губернии, что результатом большевистской пропаганды «явилось то, что некоторые общества отказывались дать армии новобранцев. Новобранцы, явившись на сборный пункт для принятия на службу, ушли с пункта обратно в свои села и деревни», а «...волостные и сельские власти в большинстве случаев были бессильны по задержанию агитаторов в связи с угрожающим поведением со стороны населения»². Агитацию против вступления в колчаковскую армию вели подпольные группы и в других уездах Тобольской губернии.

Приведенные сведения о большевистском подполье на Урале и в Зауралье за сравнительно небольшой отрезок времени — конец ноября 1918 года — первую половину весны 1919 года — свидетельствуют об огромной по размаху и героической по духу работе коммунистов, всех участников подполья. Коренной задачей коммунистов была подготовка вооруженного восстания. В связи с тем, что ожидавшееся наступление Красной Армии не состоялось, а в ряде городов произошли провалы, крупнейшие подпольные организации Урала не подняли массы на вооруженные восстания. Однако несколько вооруженных выступлений в крае в марте произошло. Они были связаны с проводившейся в тот период мобилизацией в колчаковскую армию. В Троицке, например, в нем участвовало около 600 новобранцев. Восставшие, не имевшие оружия, потерпели поражение. Многие успели разъехаться по домам. Активные организаторы восстания, оставшиеся в городе, были жесто-

¹ ПАКуО, ф. 3219, оп. 1, д. 5, л. 25; ЦГАОР СССР, ф. 236, оп. 1, д. 16, лл. 158, 170.

² ПАКуО, ф. 3219, оп. 2, д. 5, лл. 36—37.

ко наказаны, некоторые из них расстреляны¹. В Туринске восстание 400 мобилизованных привело к вооруженным стычкам с белогвардейскими солдатами и милиционерами. Из 19 человек, подвергнутых судилищу, 7 было расстреляно.

Вслед за событиями в Туринске произошло восстание в Тюмени, одним из организаторов которого был П. С. Кустинский — бывший матрос с корабля «Чесма»². В подготовке восстания, агитации за него особо активное участие принимала группа местных рабочих — те, кто был уволен за участие в забастовочном движении из пароходной компании и из депо и мобилизован в белогвардейскую армию. 13 марта около 600 новобранцев захватили склад с оружием. К ним присоединились рабочие и более 200 бывших красноармейцев, освобожденных из лагеря. Повстанцы проявили смелость и самоотверженность в борьбе, но поражение было неизбежно: о подготовке восстания колчаковцы знали и расправились с повстанцами необычайно жестоко. Несколько сот человек было убито³.

Зимой и весной 1919 года волнения среди мобилизованных и солдат имели место в Перми, Екатеринбурге, Камышлове, Уфе и других городах, а также на фронте и в прифронтовой полосе. Так, по сведениям агентурной разведки Восточного фронта Красной Армии, в январе 1919 года в селе Байки, Бирского уезда, произошло крупное выступление в 16-м Мусульманском полку, подавленное военной силой⁴.

Городские восстания, выступления солдат на фронте влияли на рост революционного крестьянского движения. Но в уральской деревне в первые месяцы 1919 года значительных выступлений не было. Наиболее крупным восстанием с участием крестьян было Кустанайское. Оно имело большое значение для расшатывания белогвардейского тыла не только в Степном крае, но и на Урале. Начавшись в период наступления колчаковских войск, это восстание потерпело поражение, но оказало непосредственное и чрезвычайно сильное воздействие на белогвардейские части.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, лл. 254—259, 266—268; д. 2058, лл. 29—30.

² ЦГАОР СССР, ф. 1429, оп. 1, д. 93, л. 65.

³ Там же, д. 95, лл. 4—5.

⁴ ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 614, л. 80.

Восстания на Урале и в Сибири вспыхивали в разное время и в отдаленных друг от друга районах. Попытка руководителей большевистского подполья организовать всеобщее восстание в рассматриваемый период результатов не дала. Выступления носили стихийный или крайне слабо организованный характер. И тем не менее первые вооруженные выступления сыграли свою роль в подъеме трудящихся масс города и деревни на революционную борьбу, способствовали росту партизанского движения. Однако на Урале оно не было значительным. Крупные красногвардейские и возникшие в тылу белогвардейцев советские отряды в большинстве своем еще летом и в начале осени 1918 года прорывались через линию фронта и соединялись с Красной Армией. Те отряды, которым не удалось выйти из окружения, перестали существовать. Только в отдельных местах группы бойцов скрывались в лесах, нередко не предпринимая мер по борьбе с белогвардейцами. Кое-где на Урале в это время стали вновь возникать партизанские отряды и группы.

Одним из них был отряд, созданный под руководством подпольной группы Михайловского завода во главе с коммунистом Е. Н. Язьковой¹. Сначала Михайловский отряд не превышал 25 человек. Зимой он пережил в Сабарском лесу. С наступлением весны отряд начинает бурно расти и вскоре объединяет 200 человек. Командиром отряда подпольная группа назначила И. П. Макарова, для политико-воспитательной работы среди партизанской молодежи в отряд был направлен коммунист Г. С. Власов. К этому времени стало легче маневрировать, скрываться от карателей, постоянно пытавшихся напасть на отряд врасплох и разгромить его. Часто приходилось менять свою базу. Отряд приступил к активным боевым действиям. В первых числах апреля часть его направилась в рейд до деревни Николаевка, близ Нязе-Петровска, где совершила нападение на военный склад. Охрана была разоружена, а склад уничтожен. Затем, вернувшись на свою базу, партизаны совершили диверсию на железнодорожной линии между Михайловским и Арсланово. Под откос был пущен воинский эшелон².

С февраля 1919 года существовал созданный подполь-

¹ ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 662, л. 4; д. 2488, л. 3; ГАСО, ф. 1200, оп. 1, д. 33, л. 206.

² ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 662, лл. 5—6.

щиками Юрюзанский партизанский отряд. В него входили рабочие Юрюзанского и Катав-Ивановского заводов. Он действовал преимущественно в полосе железной дороги¹. Мелкие отряды имелись в южной части Екатеринбургского уезда в районе Кыштыма — Тютняр, где продолжали работать подпольные группы. Там из скрывавшихся в лесах бывших красноармейцев в апреле 1919 года был создан партизанский отряд, которым руководили П. Г. Пичугов и П. А. Никитин². В том же районе действовала партизанская группа Н. А. Маркина из 13 человек. В феврале 1919 года она вышла к Златоусту, увеличилась до 25 человек и перешла линию фронта под Уфой, влилась в части Пятой армии³. Под Екатеринбургом, близ Пышминского тракта, в лесу имелась партизанская группа, деятельность которой направляли подпольщики Березовского Ф. Топорков и другие; два подпольных отряда, готовившихся к боевым действиям, было создано солтосарайской подпольной группой, руководимой Н. И. Куклиным: в один из отрядов входили крестьяне Солтосарайского, а в другой — Пьянково и соседних деревень⁴.

На Урале и в Зауралье к середине весны 1919 года имелось немало партизанских отрядов, а чаще групп; они, как правило, формировались и возглавлялись большевистским подпольем и продолжали накапливать силы, готовились к решительной борьбе.

К весне 1919 года по числу членов организаций, особенно коммунистов, вступивших в партию до захвата власти контрреволюцией, по активности большевистское подполье вообще и в городах в особенности достигло наивысшего расцвета. Но наряду с важными достижениями в работе в этот период подпольные организации имели и крупные упущения, допускали ошибки. В частности, не получила большого размаха работа коммунистов в селах. В целом же успехи коммунистов-подпольщиков в руководстве революционной борьбой трудящихся масс, забастовочные выступления рабочих, вооруженные восстания в городах и селах, усиление партизанского движения на Урале помогало борьбе Красной Армии с белогвардейскими полчищами.

¹ Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 328.

² Из истории Южного Урала и Зауралья. Ученые записки Челябинского пединститута. Вып. II. Челябинск, 1967, стр. 70—71.

³ ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 102, л. 9.

⁴ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, л. 64; д. 713, лл. 46—47.

РАЗГРОМ КОЛЧАКОВЩИНЫ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Во имя победы

Продвижение колчаковских армий к Волге, наступление войск интервентов и белогвардейцев на других фронтах поставили Советскую Республику перед лицом новых тяжелых испытаний. Враг имел перевес в военных силах, превосходство в экономических ресурсах: в его руках оказались важнейшие промышленные, продовольственные и сырьевые базы Советской страны, армии интервентов и белогвардейцев опирались на экономику крупнейших империалистических держав мира. Обстановка была крайне сложная. И все же международное и внутреннее положение Республики Советов к весне 1919 года несколько улучшилось. Под влиянием великих идей Октября и первых успехов Советской власти усилилось международное рабочее и национально-освободительное движение. Во многих странах мира возникли коммунистические партии, объединившиеся в марте 1919 года в III, Коммунистический Интернационал. В Венгрии, Баварии и Словакии была провозглашена Советская власть. Хотя советские республики в этих странах просуществовали совсем недолго, их появление показало, что

диктатура пролетариата все больше становится международной силой. Под лозунгом «Руки прочь от Советской России!» ширилось международное движение трудящихся в защиту нашей страны.

Укрепление внутреннего положения Советской Республики определял, прежде всего, начавшийся еще осенью 1918 года поворот среднего крестьянства в сторону Советской власти. Известно, что в начале гражданской войны значительная часть среднего крестьянства в силу своей двойственной экономической природы, под воздействием пропаганды меньшевиков и эсеров колебалась в сторону буржуазии и белогвардейцев. В этих условиях Коммунистическая партия по отношению к среднему крестьянству вплоть до осени 1918 года проводила политику «нейтрализации», направленную на то, чтобы преодолеть его колебания и ускорить объективно неизбежный поворот на сторону пролетариата. Перелому настроений среднего крестьянства в большой степени способствовало направление в деревню рабочих продовольственных отрядов и создание комитетов бедноты. Важнейшим итогом их деятельности явилось сплочение наиболее эксплуатируемых слоев крестьянства, подрыв экономических и политических позиций кулачества и упрочение органов диктатуры пролетариата в деревне. Огромное значение имели также первые победы Красной Армии на фронтах гражданской войны, показавшие середняку, что в смертельной борьбе рабочего класса против буржуазии перевес оказывается на стороне пролетариата. Решающую роль в изменении настроений среднего крестьянства сыграл личный опыт крестьян, увидевших, что интервенты и белогвардейцы восстанавливают помещичье землевладение и старые порядки. Убедившись, что только Советская власть защищает интересы тружеников деревни, середняк стал оказывать ей поддержку. Хотя продовольственная разверстка существенно затрагивала его экономические интересы, основные массы среднего крестьянства поняли, что без временных жертв невозможно отстоять землю и добиться победы над интервентами и белогвардейцами.

С величайшей научной точностью определив происходивший в недрах среднего крестьянства поворот, В. И. Ленин в ноябре 1918 года в статье «Ценные признания Питирима Сорокина» выдвинул новый стратегический лозунг партии по отношению к крестьянству — «уметь достигать

соглашения с средним крестьянином — ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту»¹.

Однако изменения, происходившие в политических построениях среднего крестьянства, следовало развить и закрепить, тем более что процесс политической организации бедноты и в значительной мере обусловленный им поворот среднего крестьянства на сторону Советской власти произошёл к весне 1919 года только в Центральной России. На Урале, в Сибири и в ряде других районов страны он к этому времени ещё не завершился, и кулачество продолжало оказывать сильное влияние на середняцкие слои деревни. Контрреволюции ещё удавалось использовать в борьбе против Советской власти недовольство значительной части крестьянства подразверсткой. Понадобилась длительная и напряжённая политическая и организаторская деятельность партии для того, чтобы поворот среднего крестьянства в сторону Советской власти стал повсеместным, чтобы окончательно преодолеть его колебания, установить прочный союз пролетариата с середняцкими массами деревни.

Поворот основных масс среднего крестьянства в сторону Советской власти, нашедший свое выражение прежде всего в поддержке продовольственной политики Советского государства, создавал также благоприятные возможности для усиления Красной Армии. Только по РСФСР до 15 апреля 1919 года в ряды Красной Армии было призвано 1450 тыс. человек, главным образом крестьян.

Однако углубившийся к весне 1919 года продовольственный и топливный кризис сдерживал развитие вооружённых сил Советской страны. Из заготовленных органами Наркомпрода 91 млн. пудов хлеба большая часть — 53 млн. пудов — из-за недостатка топлива и разрухи на транспорте ещё не была перевезена, находилась в Поволжье и Приуралье, подвергалась угрозе захвата наступающими колчаковскими войсками. Во второй половине января 1919 года наряды на муку, крупу и жиры, выданные частям Красной Армии, удовлетворялись Наркомпродом лишь на 20—25 процентов, а на мясо и рыбу — на 12,5 процента.

Захват врагом Урала, военные действия в районе Донбасса, ухудшение снабжения промышленных городов Центральной России продовольствием, недостаток сырья и топ-

лива, подрывная деятельность меньшевиков, эсеров и других контрреволюционных элементов, пытавшихся использовать экономические трудности для возбуждения недовольства в отсталых слоях трудящихся, — все это привело к падению промышленного производства. Резко снизился выпуск вооружения и боеприпасов.

К этому времени в рядах Красной Армии насчитывалось около 1,8 млн. человек. Но в основном из-за недовыпуска продовольствия, вооружения, боеприпасов и снаряжения боевой состав Красной Армии вместе с пограничными частями, железнодорожной охраной, продармией и другими войсками вспомогательного значения составлял всего 625 тыс. человек. Из них непосредственно на фронте находилось лишь около 400 тыс. и в военных округах в составе формирующихся дивизий — 60 тыс. человек. Однако материальные ресурсы государства не обеспечивали потребностей действующей армии и в этом составе.

Тем не менее, несмотря на колоссальные трудности, Красная Армия к весне 1919 года представляла собой мощную боевую силу. Она насчитывала уже 125 стрелковых и 9 кавалерийских расчетных бригад, входивших в состав 19 армий, которые вели боевые действия на Северном, Западном, Украинском, Южном, Каспийско-Кавказском и Восточном фронтах. Хотя единой организации частей и соединений ещё не было и повсеместно давали ещё себя знать остатки партизанщины, накопленный опыт военного строительства, особенно на Восточном фронте, позволял в кратчайший срок завершить превращение Красной Армии в регулярную, строго дисциплинированную армию, полностью основанную на принципах, выработанных Коммунистической партией, способную противостоять вооружённым силам интервентов и белогвардейцев. Создание Красной Армии явилось крупнейшим фактором укрепления внутреннего и международного положения молодой Советской Республики.

Огромную роль в дальнейшем упрочении внутреннего и международного положения Советской страны, в укреплении Красной Армии сыграли решения VIII съезда партии, проходившего под руководством В. И. Ленина в Москве с 18 по 23 марта 1919 года.

Одно из центральных мест в работе VIII съезда партии занял вопрос об отношении к среднему крестьянству, ставшему в результате осуществления аграрных законов

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 195.

Советской власти численно преобладающим социальным слоем деревни. Исход гражданской войны, успехи в социалистическом строительстве во многом определялись тем, кого поддержит среднее крестьянство: контрреволюцию или пролетариат.

В. И. Ленин считал, что установить правильные отношения с середняцкими массами крестьянства возможно только на основе теоретического обобщения опыта работы партии в деревне. Ценным был опыт практического осуществления перехода от политики нейтрализации среднего крестьянства к политике прочного союза с ним, накопленный в конце 1918 — начале 1919 годов партийными организациями Урала в тылу Восточного фронта. Именно здесь в момент белочешского мятежа и во время наступления колчаковских войск происходили сильнейшие колебания среднего крестьянства в сторону буржуазии и всей контрреволюции. Продолжая теоретическую разработку новой политики партии по отношению к среднему крестьянству, В. И. Ленин опирался на этот опыт, как и на опыт партийных организаций других районов страны, характеризовавшихся сложными условиями завоевания середняцких масс деревни на сторону Советской власти.

Обобщенный В. И. Лениным опыт партийных организаций лег в основу исторических решений VIII съезда РКП(б) о новой политике по отношению к среднему крестьянству. Утвердив сформулированный В. И. Лениным в ноябре 1918 года и прошедший проверку жизнью новый стратегический лозунг по крестьянскому вопросу, съезд закрепил переход партии от политики нейтрализации середняка к политике прочного союза с ним. Провозглашенная съездом новая политика партии в деревне предусматривала прочный союз рабочего класса с середняцкими массами при сохранении опоры на бедноту и продолжении непримиримой борьбы против кулачества. Руководящая роль в этом союзе отводилась рабочему классу.

Вскоре после съезда по инициативе ЦК партии Советское правительство приняло ряд декретов и постановлений, направленных на дальнейшее укрепление союза рабочего класса и трудового крестьянства: декрет о льготах середнякам по чрезвычайному налогу, декрет об амнистии трудящимся крестьянам за участие по неосознанности в кулацких восстаниях и мятежах, декрет о льготах середнякам по натуральному налогу, декрет о содействии кустарной

промышленности, постановления о льготном снабжении крестьян лесом, о повышении пособий, получаемых семьями мобилизованных красноармейцев.

Выработанная VIII съездом РКП(б) научно обоснованная политика партии по отношению к различным слоям крестьянства, неуклонное претворение этой политики в жизнь явилось предпосылкой создания прочного военно-политического союза рабочего класса со всем трудовым крестьянством — не только беднейшим, но и средним. Этот военно-политический союз, основанный на общности коренных классовых интересов рабочих и трудящихся крестьян, сыграл решающую роль в успешном исходе гражданской войны и в разгроме иностранной военной интервенции.

Большое внимание съезд уделил военному вопросу, имевшему важнейшее значение для достижения победы молодой Советской Республики над многочисленными внешними и внутренними врагами. К этому времени был накоплен более чем годичный опыт строительства регулярной Красной Армии. Необходимо было обобщить этот опыт, определить пути ее дальнейшего укрепления.

Решения съезда по военному вопросу были направлены на укрепление Красной Армии и усиление руководящей роли партии в военном строительстве. В них указывалось на решающую роль военных комиссаров, политического аппарата и партийных организаций в создании боеспособной, регулярной рабоче-крестьянской армии, проникнутой духом строжайшей железной дисциплины.

В связи с начавшимся в марте наступлением интервентов и белогвардейцев на фронтах, усилением в тылу подрывной деятельности меньшевиков, эсеров и других антисоветских сил, использовавших тяжелое продовольственное положение страны, VIII съезд партии принял специальное обращение ко всем организациям, в котором призвал удвоить бдительность и энергию.

Вооруженная решениями своего съезда Коммунистическая партия развернула огромную работу по укреплению обороноспособности страны, организации отпора новому натиску интервентов и внутренней контрреволюции.

Тщательно проанализировав сложившуюся на фронтах обстановку, В. И. Ленин пришел к выводу, что интервенты и белогвардейцы действуют по единому плану. Осуществляя наступление одновременно на нескольких фронтах,

они наносят свой основной удар с востока. Поэтому главным, решающим фронтом Республики в данный момент должен быть объявлен Восточный фронт. 10 апреля 1919 года в письме к петроградским рабочим В. И. Ленин формулирует этот вывод. Он подчеркивает, что именно на Восточном фронте «решается судьба революции» и призывает рабочих Петрограда «...поставить на ноги все, мобилизовать все силы на помощь Восточному фронту»¹.

В тот же день Совет Народных Комиссаров по предложению В. И. Ленина принял декрет о призыве в Красную Армию рабочих и трудящихся крестьян 1890—1896 годов рождения в 9 центральных фабрично-заводских губерниях².

Развернутая боевая программа мобилизации всех сил Советской Республики на разгром Колчака была разработана В. И. Лениным и изложена им в «Тезисах ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта». 11 апреля 1919 года тезисы были утверждены Оргбюро Центрального Комитета партии и на следующий день опубликованы в «Правде».

ЦК предложил всем партийным организациям и профсоюзам оказать самую энергичную помощь в проведении объявленной 10 апреля общей мобилизации рабочих и крестьян пяти старших возрастов, привлечь к активному участию в обороне страны самые широкие слои рабочего класса. Обращаясь к партийным организациям и профессиональным союзам, Центральный Комитет РКП(б) призвал их взяться за работу по-революционному. «Надо напрячь все силы,—говорилось в тезисах,—развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны»³.

13 апреля Пленум ЦК партии принял по докладу В. И. Ленина решение об укреплении Восточного фронта коммунистами. Осуществляя решение Пленума, ЦК РКП(б) объявил массовую мобилизацию коммунистов на фронт. Каждая партийная организация должна была направить на фронт от 10 до 20 процентов своего состава, а в прифронтовых губерниях — не менее 50 процентов.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 268.

² «Известия ВЦИК», 11 апреля 1919 г.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 274.

Ни на один день ЦК партии не упускает из поля своего зрения положения дел на Восточном фронте. Во второй половине апреля Политбюро ЦК шесть раз обсуждало вопросы, связанные с дальнейшей мобилизацией сил страны на отпор Колчаку. В связи с тем, что отправка коммунистов на фронт несколько ослабила сопротивляемость тыла контрреволюционным выступлениям, ЦК РКП(б) предложил всем местным партийным организациям приступить к созданию из коммунистов частей особого назначения (ЧОН), которые должны были стать их надежной опорой в подавлении любых происков врагов Советской власти, «защиты революции и ее завоеваний»¹. Для оказания помощи местным партийным организациям в проведении общих мобилизаций и призыве добровольцев ЦК РКП(б) направил своих уполномоченных в 20 губерний страны. В уезды и волости было послано 800 курсантов агитационных курсов ВЦИК и Пролетарского университета. Перед отправляющимися на места выступил В. И. Ленин².

По указанию ЦК РКП(б) в конце 1919 года в восточные прифронтовые губернии страны с агитационно-инструкторским поездом «Октябрьская революция» выехал член ЦК РКП(б), председатель ВЦИК М. И. Калинин. Главной задачей его поездки было укрепление связи с массами, особенно трудовым крестьянством, развитие агитаций за усиление помощи Восточному фронту.

Все партийные организации страны горячо откликнулись на призыв Центрального Комитета. На местах развернулась огромная работа по мобилизации на фронт коммунистов, призыву в армию рабочих и трудящихся крестьян по общим мобилизациям, замене на предприятиях и в учреждениях всех годных к несению военной службы членов профсоюзов и отправке их на фронт, усилению производства вооружения и снаряжения для Красной Армии. Развернулась напряженная работа по усилению железнодорожных перевозок, преодолению топливного и продовольственного кризиса.

Отовсюду шли сообщения об отправке коммунистов-добровольцев на фронт. Пролетарский Петроград в течение трех месяцев, с апреля по июнь, послал на фронт 7 тыс. коммунистов. Курский губернский комитет РКП(б) объ-

¹ «Правда», 23 апреля 1919 г.

² «Известия ЦК РКП(б)», 28 мая 1919 г.

явил 50-процентную мобилизацию коммунистов и 25-процентную — кандидатов в члены партии и сочувствующих. Иваново-Вознесенский губернский комитет партии постановил мобилизовать на борьбу с Колчаком 20—30 процентов всего состава организации. Самарский уездный комитет партии приступил к созданию Коммунистического полка и призвал рабочих и крестьян вступить в его ряды для борьбы с Колчаком.

С исключительным единодушием были восприняты тезисы Центрального Комитета РКП(б) коммунистами Урала. Обсудив тезисы ЦК, объединенное заседание Вятских губернских и городских советских, партийных и профсоюзных организаций, состоявшееся 15 апреля 1919 года, призвало трудящихся губернии к решительной борьбе с Колчаком. «Мы зовем всех рабочих и крестьян, не желающих восстановления помещичьего рабства, — говорилось в принятой на заседании резолюции, — идти в ряды Красной Армии... Мы провозглашаем: все для борьбы с контрреволюционными бандами Колчака, все для укрепления тыла армии...»¹

16 апреля Вятский губком РКП(б) принял постановление о мобилизации на фронт половины состава губернской партийной организации. Это была далеко не первая мобилизация коммунистов Вятской губернии на фронт. Только в марте 1919 года во Вторую армию вступило 1200 коммунистов Ижевского и 1000 коммунистов Воткинского заводов². Однако губернская партийная организация, работавшая в сложных условиях прифронтовой полосы, так перестроила свои ряды, что высвободила новые силы для фронта. По данным губкома, в течение апреля-мая из Вятского, Уржумского, Яранского, Слободского, Нолинского, Котельничского, Орловского и Глазовского уездов губернии прибыло в распоряжение губвоенкомата 5210 коммунистов и им сочувствующих. Кроме того, непосредственно в Третью армию Восточного фронта влилось 688 коммунистов и им сочувствующих. Таким образом, только по 8 уездам губернии в Красную Армию вступило 5898 коммунистов и им сочувствующих. В полном составе вступили во Вторую армию коммунисты Сарапульского и Елабужского уездов³.

¹ «Известия Вятского губисполкома», 17 апреля 1919 г.

² Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 289.

³ Е. И. Рябухин. В борьбе с контрреволюцией, стр. 130.

Выполняя решение, принятое объединенным заседанием губернских и городских партийных, советских и общественных организаций, Вятский военно-революционный комитет предложил всем местным Советам направить на фронт не менее 10 своих членов, а комсомольским организациям — всю молодежь, желающую идти на фронт и способную носить оружие. Было также решено мобилизовать на фронт всех находящихся в Вятке и уездах губернии коммунистов и членов исполкомов, эвакуированных из занятых белогвардейцами районов. Осуществление мобилизации было возложено на уездные и волостные военно-революционные комитеты.

Большая работа по мобилизации сил трудящихся на борьбу с Колчаком была проведена в Малмыжском уезде. В связи с приближением фронта уездный комитет РКП(б) и исполком уездного Совета призвали трудящихся уезда встать на защиту завоеваний революции. «Приближается и для нашего уезда время защиты революции... — говорилось в обращении исполкома Совета. — Пусть потомки наши в будущем скажут, что их предки были честные люди и сделали все, что от них зависело, для спасения революции... Так стойте же крепко, не падайте духом, и мы победим! Сильнее власти Советов нет ничего на свете!»¹

В короткий срок под руководством уездного комитета партии из коммунистов, комсомольцев и рабочих-добровольцев был сформирован коммунистический батальон, влившийся в действующие части. 2 мая Малмыжский ревком принял решение о формировании второго коммунистического батальона. Уже 8 мая батальон в составе 400 бойцов под командованием А. Васильева отбыл на фронт.

В тяжелой обстановке борьбы с наступлением колчаковцев осуществляла свою деятельность не только что освобожденной части территории Уфимская губернская парторганизация. В марте в губернии была проведена массовая мобилизация коммунистов на фронт. 3 апреля 1919 года Уфимский губком РКП(б) и губревком, переехавшие в связи с продолжавшимся наступлением врага сначала в Белебей, а затем в Самару, объявили вторую мобилизацию коммунистов. Эта мобилизация с 7 по 25 апреля 1919 года дала фронту дополнительно не менее 925 членов РКП(б) и им сочувствующих.

¹ Е. И. Рябухин. В борьбе с контрреволюцией, стр. 129.

Объявленная Центральным Комитетом РКП(б) мобилизация прошла по всей стране с огромным подъемом. В центральных губерниях на фронт отправилось до 20 процентов, а в прифронтовой полосе — от 50 до 100 процентов членов партии. Уже к 23 мая 1919 года в Первую, Вторую, Четвертую и Туркестанскую армию, по далеко не полным данным, прибыло около 6 тысяч коммунистов. Из них примерно половина приходилась на армии Южной группы. Были укреплены также Вторая и Третья армии. Только в запасный полк Третьей армии к 15 июля 1919 года прибыло 1993 коммуниста, 121 член РКСМ, 3523 члена профсоюза, 210 членов волостных исполкомов и комбедов. В запасном батальоне армии число прибывших по партийной мобилизации составило к концу мая 600 человек. Кроме того, значительная часть членов партии влилась непосредственно в действующие части этих армий. Наибольшее количество мобилизованных было направлено в Пятую армию, сдерживавшую наступление колчаковских войск на главном направлении. Нередко прибывавшие сюда коммунисты прямо из эшелонов шли в бой.

В общей сложности мобилизация, объявленная Центральным Комитетом РКП(б), дала Восточному фронту около 15 тысяч коммунистов. Это значительно усилило партийную прослойку в боевых частях всех армий фронта. Вместе с тем коммунисты явились ядром вновь создаваемых в тылу Восточного фронта частей. М. В. Фрунзе, докладывая 8 мая 1919 года командующему Восточным фронтом о вновь сформированных в Самаре двух полках, отмечал, что «ядром того и другого полка являются коммунисты»¹.

Партийные мобилизации позволили усилить политическую работу в армиях фронта, способствовали внесению в них пролетарской организованности, стойкости и дисциплины, помогли преодолеть остатки партизанщины. Влившись в армии фронта, коммунисты своим примером беззаветного служения социалистическому Отечеству вдохновили бойцов на разгром зарвавшихся орд Колчака.

По призыву ЦК РКП(б) произвели мобилизацию своих сил на помощь Восточному фронту и профессиональные

¹ М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов. М., 1941, стр. 143.

союзы. Профсоюзы Петрограда приняли решение мобилизовать на борьбу с Колчаком не менее 10 процентов состава организации. Металлисты Москвы из 30 тысяч членов профессиональных союзов послали на фронт 5 тысяч передовых пролетариев, текстильщики Московской области — 10 тысяч. Московские железнодорожники направили на фронт добровольцев и бригады квалифицированных рабочих для обслуживания бронепоездов. Самарский губпрофсовет объявил все профсоюзы на военном положении. К 1 июня 1919 года в губернии было мобилизовано 4366 рабочих. Профсоюзы Симбирска решили мобилизовать на фронт всех членов союза и в короткий срок сформировали рабочий полк.

Широко развернулась профсоюзная мобилизация и в прифронтовых районах Урала. По далеко не полным данным, в течение апреля-мая 1919 года только из 8 уездов Вятской губернии — Вятского, Нолинского, Слободского, Советского, Яранского, Уржумского, Котельнического и Орловского — в Третью армию Восточного фронта прибыли 2472 члена профсоюза. Из Северо-Вятского горного округа за этот период на фронт ушло 1296 рабочих, из Глазова — 108.

Весной 1919 года профсоюзы Советской России дали Красной Армии не менее 60 тыс. человек.

По призыву партии на помощь Восточному фронту выступил Российский Коммунистический Союз Молодежи. 16 апреля было опубликовано решение ЦК РКСМ о мобилизации в прифронтовых губерниях — Вятской, Казанской, Сибирской и Саратовской — 20 процентов всего состава организации и передаче мобилизованных в распоряжение местных партийных комитетов. Отвечая на призыв Центрального Комитета партии, Петроградская организация РКСМ отправила на фронт 3 боевых отряда общей численностью около 800 человек. Из Новгорода выступил на фронт молодежный отряд в 200 человек. Отряды молодых патриотов формировались также в Москве и Витебске, в Саратове и других городах Поволжья.

Одними из первых выступили на помощь Восточному фронту комсомольцы Урала. В апреле 1919 года Вятский губком РКСМ объявил мобилизацию на фронт половины всего состава губернской комсомольской организации. «...Восточный фронт, — говорилось в обращении губкома РКСМ к молодежи губернии, — стал самым опасным и

важным. На хребтах Урала решается судьба трудящихся, их свобода и независимость. Все наши завоевания, фабрики и заводы, земли и леса, свобода и счастье молодежи будут отняты, если мы не сметем с лица земли Колчака. Наш лозунг: «Молодежь, на фронт, на борьбу против тиранов, победим или умрем!»¹

С большим подъемом прошла мобилизация на фронт в Вятке. Как вспоминает активный участник гражданской войны Г. В. Маландин, все комсомольцы рвались на фронт, но отбирали самых достойных. «Долго еще не расходились комсомольцы из комитета, когда была закончена запись добровольцев, — пишет он в своих воспоминаниях. — ...А когда вышли на улицу в темную весеннюю ночь, то каждый, прежде чем пойти домой, оборачивался и глядел на освещенные окна комитета, понимая, что кончился какой-то период его юношества, что впереди ждут его трудности, лишения, тяжесть которых иногда не под силу и взрослому, а, может быть, ждет его и сама смерть»².

По неполным данным, Вятская организация РКСМ в апреле-мае 1919 года направила на фронт около 1000 комсомольцев, организация Союза молодежи Советского уезда — 81, Яранского — 58, Слободского — 39. Котельничского — 227, Орловского — 224, Нолинского — 15. Почти целиком влилась в части Третьей армии комсомольская организация Глазовского уезда.

Мобилизация, объявленная ЦК РКСМ, дала фронту не менее 3000 преданных защитников Советской власти.

Решимость выступить на борьбу с Колчаком высказали также трудящиеся зарубежных стран, находившиеся в Советской России. 18 апреля 1919 года в Самаре состоялось общее собрание иностранных трудящихся, вступивших в интернациональные части Красной Армии. Заслушав доклад по текущему моменту, самарские интернационалисты заявили, что «готовы выступить на защиту мировой революции и рабоче-крестьянской власти и не оставят Восточный фронт до тех пор, пока враг не будет разбит и положение на Восточном фронте окончательно не упрочится»³.

¹ За власть Советов, стр. 248.

² Там же.

³ Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с Советской Россией (1917—1922). Сборник документов. М., 1957, стр. 180.

В результате огромной по своим масштабам работы, проделанной под руководством Центрального Комитета РКП(б) местными партийными организациями, профсоюзами, комсомолом, Советами и ревкомками, на оборону страны были мобилизованы крупные людские и материальные ресурсы. В течение апреля-июня по декретам и постановлениям Совнаркома и Совета обороны, приказам Реввоенсовета Республики было призвано свыше 490 тыс. человек, а вместе с пришедшими по партийной, профсоюзной и комсомольской мобилизациям в ряды Красной Армии в эти месяцы влилось не менее 573 тыс. человек. На фронт с апреля по июнь 1919 года в составе вновь формируемых частей и маршевых рот было направлено 272 300 человек.

Большая часть маршевых рот и вновь формируемых частей направлялась на Восточный фронт. Только в ближайшем его тылу, начиная с мая 1919 года, в течение двух с половиной месяцев было сформировано более 60 пехотных полков, то есть почти столько, сколько их было на Восточном фронте до начала весеннего наступления Колчака. Всего, по неполным данным, Восточный фронт только с апреля по июнь 1919 года получил около 110 тыс. бойцов.

Накапливая силы для решительного разгрома Колчака, партия придавала большое значение не только количественному пополнению войск Восточного фронта, но и их политическому просвещению. Во исполнение решений VIII съезда РКП(б) на фронте и в тылу развертывалась широкая разъяснительная работа, направленная в первую очередь на повышение классовой сознательности крестьянских пополнений, укрепление единоначалия и воинской дисциплины.

Весной 1919 года организационная структура политорганов Красной Армии и их практическая деятельность в войсках были перестроены. О том, как это происходило в соответствии с решениями VIII съезда партии, можно судить по документам партийно-политического аппарата Третьей армии Восточного фронта. После окончания съезда, в конце марта 1919 года, состоялось расширенное совещание политработников армии. В его работе участвовали член Военного совета В. Т. Трифонов, заведующий политотделом армии А. К. Леппа, заведующие политорганами и члены бюро РКП(б) дивизий, работники политотдела

армии, делегаты VIII съезда партии А. Д. Ильин, Н. И. Чечушков, Т. Я. Евсеев, И. П. Козлов и другие.

Заслушав доклад о работе VIII съезда РКП(б), участники совещания полностью одобрили его решения. В результате подробного рассмотрения состояния партийно-политической работы в частях было признано необходимым сосредоточить в политорганах все руководство этой работой в войсках и предоставить политическим отделам право контроля за деятельностью военных комиссаров. «Совещание считает целесообразным, — говорилось в резолюции, — чтобы всей политической работой руководил политический отдел армии. Организация политотделов желательна следующая. Во главе политотдела армии должен быть или член Военного совета или заведующий политотделом (входит в Военный совет с совещательным голосом). Политотдел армии непосредственно подчиняется политотделу Военного совета Республики, а через него ЦК партии. Все военкомы подотчетны политотделу армии. Политотделы дивизий подчинены политотделу армии»¹. Если ранее военкомы подчинялись лишь Военному совету армии, что порождало параллелизм в работе и даже трения между комиссарами и политорганами, то теперь устанавливалось централизованное руководство политическим воспитанием красноармейцев сверху донизу.

На совещании были разработаны и другие меры по улучшению партийной работы. В резолюции указывалось, что главное внимание партийных организаций должно быть сосредоточено на широкой партийно-политической работе среди красноармейцев для воспитания у них высоких морально-боевых качеств. На совещании подчеркивалось, что теперь партийные ячейки должны заботиться не только и не столько о количественном росте своих рядов, сколько о качественном улучшении состава партийных организаций. На основании решений VIII съезда РКП(б) было принято постановление о проведении перерегистрации членов партии с тем, чтобы тщательно проверить их боевые, моральные и политические качества, устанавливался порядок перерегистрации. Внимание партийного актива обращалось на необходимость строгого соблюдения требований партийной дисциплины, образцового выполнения каждым коммунистом своих служебных обязанностей, личного примера

¹ ЦГАСА, ф. 9, оп. 4, д. 41, л. 90.

политработников. В резолюции «О политической и партийной работе в армии» говорилось: «Военкомы, политические представители, равно как и все члены бюро... должны в критические моменты боя или вообще, когда весь полк находится в бою, быть в цепи, служить примером коммунистической доблести и самоотверженности»¹.

Мартовское совещание политработников Третьей армии имело большое значение для улучшения политической работы на фронте. В соответствии с решением совещания Военный совет армии утвердил 26 апреля 1919 года новую инструкцию военным комиссарам. Инструкция устанавливала, что все военкомы должны выдвигаться политическим отделом и утверждаться Военным советом, подробно излагала права и обязанности комиссаров. А 5 мая 1919 года Военный совет утвердил инструкцию о порядке отчетности военкомов перед политическим отделом армии.

Деятельность партийно-политического аппарата улучшилась в результате укрепления его новым отрядом коммунистов, мобилизованных в армию. По инициативе Центрального Комитета партии и В. И. Ленина на левый фланг Восточного фронта весной 1919 года было решено направить «ударную партийную группу». В мае Третья армия получила 1527 коммунистов, а к 10 июля 1919 года общее число коммунистов, прибывших на пополнение этой армии, составило 2005 человек.

Наиболее опытные коммунисты направлялись на командную, политическую, административно-хозяйственную работу. Так, в Пятой армии среди получивших такие назначения были мобилизованные Уфимским губкомом РКП(б) коммунисты А. П. Кучкин, назначенный военным комиссаром 27-й дивизии, В. А. Седенков — членом коллегии политотдела армии, В. Г. Бисярин — комиссаром бригады, Ф. И. Локацков — военкомом отдела снабжения армии, М. В. Котомкин — начальником снабжения армии, Б. Коврайский — командиром полка. Многие уфимские коммунисты стали комиссарами полков и батальонов, политруками рот². Но подавляющее большинство прибывших на Восточный фронт по партийным мобилизациям было направ-

¹ ЦГАСА, ф. 9, оп. 4, д. 41, л. 93.

² Э. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.), стр. 435.

лено в действующие части и в маршевые роты рядовыми бойцами.

Особая забота проявлялась об укреплении состава военных комиссаров. На эту должность подбирали способных организаторов, политически зрелых членов партии, умевших творчески решать задачи партийно-политической работы, обладавших высокими морально-боевыми качествами, пользовавшихся авторитетом и уважением красноармейских масс. В Третьей армии на должность комиссаров были назначены в мае 1919 года 53 человека, в июне — 23, в июле — 12, в августе — 15. Тщательно изучая политические и деловые качества военкомов, политотдел армии производил перемещение комиссаров, выдвигая способных и освобождая тех, кто не справлялся со своими обязанностями.

Нередко сразу же после назначения военные комиссары включались в боевую деятельность частей. Активный участник гражданской войны П. Г. Сюткин, бывший политработник Второй армии Восточного фронта, вспоминает: «В Бикбардинском заводе в политотделе дивизии Аронштам И. Н.¹ предложил мне пойти комиссаром в 245-й Смоленский полк... В распоряжение полка, в район Чернушки, я прибыл во время боя. Во время боя пришлось и принимать полк. Тут же по приказу нам пришлось отходить на Бикбардинский завод. Из Бикбарды я доложил Азину (командир 28-й стрелковой дивизии) о прибытии части. Он приказал приготовить ужин и накормить людей. Не успели повара приготовить ужин, как поступил приказ полку занять позиции в районе Дубовой горы (около 10 км от Бикбарды). Только заняли их — опять переброска в новый район. Наконец остановились. Приехал комиссар бригады, привез боевой приказ полку захватить Усть-Шлыки. Бойцы после дневного боя и тяжелого марша сильно устали, многие ропщут: «Не можем идти, сил нет!» Вот где была горячая работа для комиссара и всех коммунистов полка. Где уговором, где примером или помощью слабым со стороны физически более крепких (поднести винтовку и т. п.) добивались перелома настроения красноармейцев.

¹ Речь идет о политотделе 28-й стрелковой дивизии. И. Н. Аронштам — член партии с июня 1917 года. До отъезда на Восточный фронт находился на партийной работе в Петрограде. Погиб в бою под Вятскими Полями 18 мая 1919 г.

И добились! В ночном наступлении мы без больших усилий заняли Усть-Шлыки»¹.

Состояние политической работы в войсках всегда находилось в прямой зависимости от активности и боевитости партийных организаций, являвшихся, по определению В. И. Ленина, опорными пунктами партии для организационной и агитационной работы и массах². В лице армейских коммунистов политорганы и военные комиссары находили самых надежных помощников в укреплении дисциплины и боеспособности частей. Политические отделы и военные комиссары постоянно заботились о росте и укреплении партийных организаций частей и подразделений. В марте 1919 года политический отдел Третьей армии направил для усиления партийных ячеек непосредственно на фронте более 100 коммунистов из числа руководящих штабных работников. Основная масса мобилизованных членов партии, прибывшая в армию весной 1919 года, численностью более двух тысяч человек, также была направлена в части в качестве рядовых бойцов. Во Второй армии прибывших по партийным мобилизациям коммунистов направляли по 10—30 человек в каждую маршевую роту.

Улучшению качественного состава партийных организаций во многом способствовала перерегистрация коммунистов, проводившаяся по решению VIII съезда партии. Из партии исключали трусов, паникеров — тех, кто не оправдывал высокого звания члена Коммунистической партии. Тех же, кто показывал слабую теоретическую подготовку, недостаточно разбирался в вопросах партийной политики, переводили из членов партии в сочувствующие. В группах сочувствующих они изучали Программу и Устав РКП(б), приобретали опыт политической работы среди красноармейцев, готовились к вступлению в члены партии.

Работники политорганов армий, военные комиссары, освобожденные секретари партийных комитетов проводили широкую разъяснительную работу среди личного состава, руководили подготовкой собраний, на которых решался вопрос о пребывании в партии каждого коммуниста. На высоком организационном уровне прошла перерегистрация в 259-м и 253-м полках 29-й стрелковой дивизии. Партий-

¹ На Южном Урале. Воспоминания участников гражданской войны, стр. 280—281.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 363.